МИХАИЛ ДОНЕЦКИЙ

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

(ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

ПРЕДИСЛОВИЕ
А. МИКОЯНА

„СЕВКАВКНИГА"
1926

МИХАИЛ ДОНЕЦКИЙ

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

(ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ)

РОСТОВ НА ДОНУ
1926

Изд. № 406.

Отпечатано в 1-й гостипографии Донполиграфбума в Ростове на Дону, в июле 1926 г.
Донокрлит № 6089. Заказ № 3344. Тираж 5000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Казачество составляет значительную часть населения Северо-Кавказского Края. Наиболее основные, значительные и мощные из бывших казачьих войск России были расположены на Северном Кавказе. Казаки Северного Кавказа разбивались на три войска:—Донское, Кубанское и Терское.

Поэтому совершенно понятно, что вопрос о казачестве является одним из коренных вопросов политики Северо-Кавказской Советской власти.

Отношения между Советской властью и казачеством, на протяжении революционных годов, можно разделить на два периода.

Первый период—охватывает гражданскую войну и первые годы сейчас-же после окончания этой войны.

Второй период начинается с момента перелома политики партии в деревне, когда Советская власть и партия решительно взяли курс на сближение с деревней, „повернулись лицом к деревне" и в том числе—к казачеству. Этот период можно связать с первым Северо-Кавказским Краевым с'ездом советов, который об'единил Дон, Кубань, Терек и национальности Кавказских гор, принял ряд важнейших решений по сближению казачества с Советской властью и где был об'явлен т. Рыковым декрет об амнистии, принятый ВЦИК'ом по предложению Северо-Кавказской партийной организации.

Гражданская война сложилась чрезвычайно неблагоприятно для казачества. Российская буржуазия, гнилая и беспомощная, будучи свергнута в Октябрьские дни рабочим классом при активном содействии крестьян, и потерявши все свое влияние и силы в центральных районах России, уже после того, как Советская власть, почти бескровно, победила во всей России и приступила к переустройству всей народной жизни, она, эта буржуазия стала мобилизовать свои силы и подготовляться к борьбе за реставрацию, т. е. за восстановление своей власти. Именно нежелание буржуазии подчиняться большинству народа, который воспринял Октябрьскую революцию, послужило основой для гражданской войны.

После победы пролетарской диктатуры пролетариат всегда против гражданской войны, ибо такая война направлена против революции. Но поскольку буржуазия попыталась браться за контр-революционную войну против Октябрьской революции, то ясно, что наша партия, рабочий класс и трудящиеся крестьяне противопоставили буржуазно-помещичьей контр-революции единый фронт в гражданской войне—за

уничтожение последних остатков сил контр-революции. В этой войне пала масса жертв, борцов за революцию, было пролито много крови; и ценой этой самоотверженной борьбы мы обеспечили окончательную победу Октябрьской революции и разгромили помещичье-буржуазную контр-революцию.

Несчастье казачества в том-то и заключалось, что разбитые на голову помещики и капиталисты, дворяне и министры, банкиры и заводчики сумели, опираясь на верхи казачества, на генералов и офицеров, повести за собой большинство казачества, в том числе и многих трудовых казаков. Эту контр-революционную работу они проводили путем обмана, распространяя среди казаков провокационные слухи о том, что большевики—это немецкие шпионы и изменники, что большевики хотят разрушить Россию, насильственно уничтожить церковь и веру, отобрать всю землю у казаков и т. д. В то же время эти генералы и помещики об‘явили себя спасителями родины и народа. Трудовое казачество, мало искушенное в политике, поверило своим руководителям и пошло за ними, оказавшись в лагере контр-революции. Правда, не мало казаков сразу и решительно стало на сторону Советской власти. В частности наибольшее количество казаков геройски сражавшихся в рядах Красной армии—из Донского казачества. Этим самым гражданская война перекинулась в среду самого казачества, казаки одной и той же станицы были в различных лагерях, встречаясь на фронте гражданской войны, в боях не как друзья-одностаничники, а в качестве врагов. Это показывало всю глубину происходящей борьбы, которая проникла в каждую станицу, даже во многие семейства, из которых, зачастую, сын попадал в лагерь красных, а отец—к белым.

Гражданская война особенно затягивалась потому, что казачество, в широкой своей массе, верило генералам, которые сознательно обманывали их надеждами о том, что все скоро кончится, большевиков побьют и проч. Все это придало обостреннейший характер гражданской войне, доведя борьбу до величайших жестокостей. В результе гражданской войны трудовое казачество понесло неисчислимое количество людских жертв, получило совершенно разоренное хозяйство. Тем более, что до гражданской войны, в империалистическую войну казачество уже было достаточно обессилено. Волей своих генералов, став пушечным мясом для помещиков и капиталистов, казачество уже к концу гражданской войны оказалось обессиленным и разоренным.

Несмотря на окончательную победу Красной армии, разгромившей в 1920 г. Деникина и Врангеля, наиболее упорные противники Советской власти еще искусственно поддерживали среди казачества свои контр-революционные надежды на скорое возвращение Врангеля и на близкое свержение Советской власти. Благодаря этому, после победы Красной армии, после советизации Северного Кавказа и вплоть до 23 года, мы имели большое количество политических банд во главе

с казачьими офицерами, которые нападали на Советы, убивали коммунистов, разбирали железнодорожное полотно, грабили поезда и продовольственные склады. Фактически это было продолжением гражданской войны со стороны упорных противников Советской власти и Советская власть обращалась с такими по законам войны. Центром внимания Советской власти на Северном Кавказе в первые годы сейчас же после советизации Края, была ликвидация бандитизма и утверждение Советской власти в станицах.

Деятельность контр-революционных банд мешала Советской власти подойти ближе к большинству хлеборобов-казаков, которые уже давно примирились с Советской властью и не мечтали больше о борьбе с ней, а желали лишь одного: возможности мирной жизни и усиленного восстановления своего хозяйства.

Сближению казачества с Советской властью мешало еще то обстоятельство, что в условиях нищеты и голода, для поддержания армии и страны, Советская власть была вынуждена, путем разверстки и продналога забирать у хлеборобов, в том числе и у казаков, большую часть их урожая, не будучи в силах возместить хлеборобам соответствующим количеством мануфактуры, сельско-хозяйственных орудий и других промышленных товаров.

В такой обстановке хлеборобы не были в состоянии быстро восстанавливать свое хозяйство и не были уверены, что скоро настанет время, когда государство даст им возможность направить большую часть своего урожая на восстановление собственного хозяйства. Это обстоятельство еще более подкрепляло недовольство и недоверие трудовых казаков к Советской власти.

Третья причина, которая мешала сближению казачества с Советской властью заключалась в том, что большинство иногородних крестьян, в силу особых условий казачьих областей относившихся враждебно к казакам, рассматривали победу Советской власти как победу иногородних над казаками, и даже в станицах с большинством казачьего населения, казаков почти не пускали в Советы. На этой почве у казаков получалось неправильное впечатление, что Советская власть победила для того, чтобы взамен старого порядка, когда на шее иногородних сидели верхи казачества, теперь на шею казаков посадить иногородних.

Четвертое обстоятельство, мешавшее сближению казаков с Советской властью заключалось в том, что многие из казаков, будучи в рядах белых, после победы Советской власти подвергались преследованиям за прошлые свои грехи и не были уверены: могут ли они мирно жить и работать—это с одной стороны. С другой стороны, много тысяч рядовых казаков, находившихся в рядах белых армий были уведены Врангелем за границу и томились там на чужбине, далеко от своих семейств и своих родных мест в нечеловечески-тяжелых условиях, в которые поставила их иностранная буржуазия, использовавшая казаков, как пушечное мясо против Советской России.

Тысячи рядовых казаков и даже офицеров после горького опыта эмиграции прозрели, поняли свою ошибку, раскаялись и желали вернуться на родину, несмотря на то, что генералы всемерно запугивали их, говоря что в России их ждет поголовное истребление. Несмотря на это, настолько была сильна жажда возвращения на родину, что они обращались к представителям Советской власти с просьбой разрешить возвращение на родину, так как здесь их семьи и хозяйства остались без работников, без главы. Ныне обстановка для казачества коренным образом изменилась в лучшую сторону. Наша партия и Советская власть добились того, что много тысяч эмигрантов казаков, не только свободно вернулись на родину и получили возможность мирного труда, но им предоставлены также и все права советского гражданина—избирать советы и быть избранным, активно участвовать во всей советской общественной работе. Открыта возможность казачеству, на ряду со всеми крестьянами и рабочими, выбирать своих лучших людей в Советы и кооперативы и приложить все свои силы в деле культурного и хозяйственного развития нашей страны, и в первую очередь казачьих станиц и хуторов.

Во всех высших советских органах, вплоть до ВЦИК'а, имеются казаки, которые, на ряду со всеми другими членами ЦИК'а, Крайисполкома, окружных, районных исполкомов, разрешают вопросы политики Советской власти.

Хозяйственная жизнь казачества и всех хлеборобов Края стала на путь не только полного восстановления, но и пошла по рельсам совершенно новым, о которых в довоенное время казачество и не мечтало. Появление тракторов, в большом количестве, на полях наших станичников и широкое кооперирование крестьянства—это те пути, на которые толкает Советская власть все наше крестьянство и что нашло горячую поддержку среди всех хлеборобов, в особенности казаков.

Форма строительства нашей армии по своему типу очень доступна пониманию казачества. Территориальные войсковые формирования очень напоминают собой прежнюю форму организации казачьих войск, в особенности это касается территориальной кавалерийской дивизии, которая охватывает Кубанское и Терское казачество. Этим самым удовлетворяется любовь казачества к военному делу и всемерно нами поощряется, как средство сплочения сил казачества в общих рядах всех трудящихся масс, для защиты нашей рабоче-крестьянской страны.

Любовь казачества к хорошему коню, к джигитовке, воинским состязаниям, к храбрости и дисциплине, нашла должную оценку и поддержку у Советской власти. Перед казачеством, как и перед всеми трудящимися массами, широко открыты двери в военно-учебные заведения, университеты, различные школы и курсы, где выковываются строители Советской власти из среды трудящихся масс.

Казачество должно дать на службу Советской власти лучших своих людей и выделить из своей среды советский актив и советскую интеллигенцию, которые, прекрасно зная казачий быт и связанные

корнями со станицей, помогут Советской власти разрешать вопросы хозяйственной и культурной жизни таким способом, чтобы трудовое казачество все больше, все теснее смыкалось и сплачивалось вокруг Советской власти и рабочего класса.

Казак Васильев (из ст. Константиновской) совершенно справедливо пишет, что нужно создать культурные очаги для казачества, где оно могло бы найти правдивую картину своего собственного исторического пути и „двинуть вперед казаков путем воздействия на них их же стариной, восстановить им их старину, которая заключена в их письменах: О Стеньке Разине, Ермаке Тимофееве, Некрасове, Булавине и др.“

Совершенно верное указание. Нужно в наших музеях воссоздать прежний казачий быт, представить историю казачества в правдивом виде, это поможет казакам еще крепче связаться с победившей русской революцией. Надо собирать все народные рассказы и песни из казачьей жизни, всякие народные игры и проч.; это облегчит понимание казачьей старины.

Брошюра тов. Донецкого является первой попыткой, хотя бы в общих чертах, пролить некоторый свет на те уголки казачьей истории, которые казачьи верхи скрывали от народных масс или представляли в совершенно извращенном виде, зачастуя выводя Разина, Булавина и др. в виде разбойников, тогда как они были подлинными революционерами своего времени.

Надо сказать, что вся история казачества может быть разбита на три основные этапа:

Первый этап — это возникновение казачества, которое пополнялось из наиболее передовых крестьян, убегавших от помещичьего ига и искавших волю в южных степях России: на Волге, на Дону, на Кубани и на Украине. Тогда казачество представляло из себя бунтующий лагерь — против царизма. Казаки не подчинялись царским и помещичьим порядкам, жили без крепостного права, вольно и свободно; представляя центр притяжения всех бунтарских, беглых крестьянских масс, они не только отстаивали против царя собственную вольницу, но и ставили себе задачу—перестроить всю Русь по типу казачьей вольницы. Поэтому в те времена первые и единственные революционные народные вожди были выдвинуты казачеством. Первые борцы за уничтожение самодержавия были казаки, которые дали таких революционных героев, как Болотников, Булавин, Разин, Пугачев и другие, которых даже Плеханов в 1879 году называл „титанами народной революционной обороны“.

Стенька Разин шел в поход против царской Москвы с кличем к крестьянам; „Я не хочу быть царем, хочу жить с вами, акк брат“. Он говорил: „иду истребить бояр, дворян, приказных людей, искоренить всякое чиноначалие и власть, установить во всей Руси казачество и учинить так, чтобы всякий всякому был равен“.

Этот этап содержит в себе самые светлые и революционные страницы в истории казачества—являющиеся одновременно самыми

отрадными страницами революционного крестьянского движения против самодержавия в дореволюционной России. Тогда, действительно, казаки являлись вождями революционного крестьянства России и выразителями протестов против самодержавия. Русские революционеры всегда относились с величайшим уважением к этим первым подлинным народным революционным борцам и внимательно изучали (и теперь мы должны изучать) крестьянское повстанческое движение тех времен, возглавлявшееся такими казаками, как Разин, Булавин, Пугачев и др.

Даже Карл Маркс еще в 60-х годах прошлого века, приступив к изучению русского языка и русской литературы, для понимания сложившихся земельных отношений в России и вообще крестьянского вопроса, специально занимался изучением движения Стеньки Разина и тех социальных причин, которые вызвали его к жизни. Это стало нам известно недавно; тов. Рязанов, руководитель Института Маркса и Ленина, достал среди рукописей Маркса, до недавнего времени еще нигде не опубликованную рукопись, являющуюся конспектом, излагающим существовавшие при Стеньке Разине социальные отношения в России, движение Разина, и, социальной и политической оценки этого движения.

Эта рукопись впервые опубликована в январе 26 года в журнале „Молодая Гвардия".

Как правильно т. Рязанов пишет: „она представляет, в особенности для русских читателей, очень большой интерес, как новое свидетельство того глубокого внимания, с которым Маркс изучал не только русскую экономическую действительность, но и русскую историю".

Какое значение придавал Маркс изучению России для понимания и правильного анализа капиталистических отношений в сельском хозяйстве различных форм землевладения и связанных с ним социальных отношений, показывают следующие слова Энгельса:

> „Для этого отдела о земельной ренте, — пишет Энгельс, — Маркс в семидесятых годах предпринял совершенно новые специальные изучения. Он в продолжении нескольких лет изучал в подлинниках, сделавшихся в России неизбежными после „реформы" 1861 года, статистические исследования и другие издания о землевладении, которые присылались ему в изобилии русскими друзьями, делал из них выписки и намеревался воспользоваться ими при новой переработке этого отдела. При разнообразии форм землевладения и эксплоатации земледельческих производителей в России, в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в первом томе, при исследовании наемного труда в промышленности. К сожалению, ему не удалось осуществление этого плана" (цитируется по Рязанову).

Эта рукопись Маркса о Стеньке Разине представляет для нас, для нашего казачества, в особенности Донского—величайший интерес.

Вот что говорит Маркс о возникновении казачества:

„Казачество возникло тогда, когда удельная стихия пала под давлением единодержавия, оно было противодействием старого новому. Ряды казачества наполнялись недовольными элементами, которые не уживались вообще, не могли переносить его уз. Русь тогда была разделена на два государства: Москву и Литву.

В обоих половинах явилось казачество. Тогда как в южной Руси заложилось славное Запорожье и дух казачества разлился по всей Украине, произошел такой же наплыв народа с Севера на Дон. Украина оказала помощь этому обществу и населила берега Дона своими детьми. Малороссия с самого начала приняла участие в образовании Донского казачества, что доказывает язык нынешних донских казаков, среднее наречие между малороссийским и великорусским языком. Отсюда казачество завладело берегами Волги, Терека, Яика (Урала) и проникло в далекую Сибирь. В эпоху Самозванца (собственно псевдоним) казачество, повидимому, стремилось только образовать отдельное общество в русских южных краях для защиты своей независимости от северного единовластия, но вмешавшись в начале XVII века в дела Москвы, оно уже не ограничивалось южными степями, а стремилось распространить свои „начала“ по всей земле Московского государства. С этого времени повсюду появляются казаки. Чтобы положить конец этому брожению, правительство допустило существование казачества в виде особого военного сословия, наравне с стрельцами, пушкарями и воротниками“.

Далее Маркс подробно останавливается на способах эксплоатации боярами и помещиками крестьян и холопов, обрисовывает тяжелое их рабское положение, которое толкало их к бегству в лоно казачьей вольницы. Он пишет, что в особенности в „смутное время множество холопов разбежалось и пошло в казаки. С восстановлением власти правительство сначала хотело и холопов обратить к прежним обязанностям, но должно было сделать уступку, дозволив тем, которые пошли в казаки, оставаться в казачестве“.

Таким образом казачество сложилось из низов народных масс тогдашней Руси, из наиболее свободолюбивых и бунтарских элементов крестьянства, которое находилось в рабстве у дворян, бояр и под властью царского кнута в качестве холопов и крестьян.

Поэтому казачество было знаменем холопов и крестьян России, было борцом за то, „чтобы, — как Стенька Разин говорил, — всякий всякому был равен“.

Вот почему особенно неправильно противопоставление казаков уже в поздние времена крестьянам-хлеборобам, как „холопам“. Характерный момент второго этапа истории казачества, заключается в том, что царям удалось огнем и мечем искоренить революционный вольный дух из казачества и превратить его, вместо вождя крестьянского бунта, в послушное орудие в руках царя и дворян против

крестьянства. Казачество не легко и не без упорной борьбы перестало быть вольным. Как Маркс пишет, еще при царе Самозванце „казаки в глазах правительства разделялись на два вида казаков: верных, или признанных властью, и воровских, самозванных казаков. Вольный Дон был центром казачества. Долго независимый, он в царствование Михаила Федоровича признал власть Московского царя".

В этой борьбе, говоря словами же Маркса—„передовым борцом казачества явился Стенька Разин". Коварный атаман Корнило Яковлев, изменник казачьей вольницы, агент царя, стремившийся заковать вольных донских казаков в оковы царского самодержавия, представлял группу верных царю казаков. Он попросил царя о присылке московских войск против Разина. „Никогда—продолжает Маркс, — донские казаки не решались приглашать к себе московские войска, никогда они так не жертвовали своей независимостью". Это было в 1671 году, когда движение Стеньки Разина было подавлено, сторонники его были повешены в Кагальницком городке, а Стенька Разин с братом были отвезены в Москву, где он был подвергнут жестоким пыткам, и казнен. Во время пытки, как Маркс пишет: „Стенька проявил героизм".

Маркс, называя Разина передовым борцом за казачество, героем, совершенно справедливо оценивает Корнила Яковлева, как „коварного" плута.

Маркс особо отмечает отношение духовенства и попов—этих агентов самодержавия, к борцу казачества, к первому крестьянскому революционеру Стеньке Разину. Он пишет следующее:

> „Царь был вне себя от радости по этому поводу, и по его приказу агнец божий московский патриарх предал анафеме Стеньку (бунт его, конечно, был направлен и против попов), и все попы торжественно провозгласили: „анафему, вору и богоотступнику и обругателю святой церкви Стеньке Разину со всеми его единомышленниками".

Так начинается вторая печальная эпоха жизни казачества, когда царь, опираясь на его верхушки, при поддержке и с благословения духовенства, превратил казачество в слепое орудие в своих руках— в борьбе с народом и с революцией. Долго длилась эта эпоха, затемнив собой в памяти народа и самого казачества славные дни героической борьбы казаков против царя. Правда, в эти печальные времена в среде казаков находились отдельные герои и группы передовых людей, которые пытались, проявляя величайший героизм и смелость, слиться с общенародным движением и не только не служить царским орудием борьбы с революцией, но стать в ряды революционеров. За последние годы, до окончательной победы Советской власти, наиболее светлой личностью революционных героев донского казачества был Подтелков. Но он был не один, много известных и неизвестных, павших борцов за свободу из казачества.—Они еще ждут историков, которые установят точно все факты и сделают народным достоянием эти светлые имена из истории второй печальной эпохи казачества, в

особенности достоянием молодого поколения казачества и вдохновят его на новые подвиги в борьбе за революцию.

Третий этап истории казачества—ныне переживаемый. Он характеризуется тем, что казачество снова в большинстве своем стало в ряды трудящихся масс, склонило свои хлеборобские головы перед Красным знаменем победоносной Пролетарской Революции, честно приняло протянутую братскую руку рабочего класса.

Третья эпоха жизни казачества характеризуется тем, что оно (казачество) возвращается к тому, с чего начало было—к революционности и свободе, на более высокой ступени общественного развития, при более высоких идеалах общественности, при социалистических идеалах, которых не было, и не могло быть при Стеньке Разине. Эта третья, красная эпоха жизни казачества—лишь только началась.

Все наши силы и силы лучших людей казачества, в особенности его молодого поколения, необходимо сосредоточить вокруг задачи тесного приобщения трудящейся казачьей массы к Советской власти, под руководством пролетариата и его партии, ведущей нашу страну к социализму.

г. Ростов на Дону. 3-го мая 1926 г. А. МИКОЯН.

ОТ АВТОРА.

В годы царизма, историю Дона и донского казачества писали много раз; писали сторонники независимости, самостоятельности Войска Донского, писали и ярые приверженцы российского самодержавия. И те и другие старались отмежевать казаков от обездоленного царизмом и помещиками крестьянства, и привить им чувство „национального“ патриотизма; по их „истории“ выходило, что донские казаки—какие то особые люди, ничего общего с русским народом не имеющие.

Даже пытались доказывать, ссылаясь на мифологические легенды, что казаки произошли не то от древнейшего племени Гетов-Руссов, не то от Скифов, не то от менее древних кочевников, известных в истории под именем Хозар.

И все это делалось для того, чтобы, поставленные в привиллегированные и выгодные экономические условия, казаки легче могли быть использованы самодержавием и его приспешниками для устрашения и приведения в покорность многострадального крестьянства, если бы оно вздумало бунтовать, а позднее — и для расправы с революционными русскими рабочими.

— Такова была провокационная политика, ведшаяся царями на протяжении веков, и казаки стали жертвой этой провакации. Самодержавие привлекало, сначала, путем подкупов на свою сторону верхи казачества, а затем, при помощи продажной верхушки — атаманов и старшин — подчинило себе и все казачество целиком.

История Дона, писанная в дореволюционное время, главное внимание уделяет подвигам казачества „во славу царя и отечества“, да царскими „милостям“ к казакам. Все же здоровое, немирившееся с произволом царей и бояр-помещиков, все восстававшее против рабства позорного и боровшееся за свободу, она называет „воровством“ и „разбоем“. Между тем, как все прошлое донского казачества—сплошной укор самодержавию.

Казачьи верхи—атаманы, старшины, богачи и попы затуманивали головы свободолюбивых казаков и в корне пресекали всякие „крамольные“ мысли. Еще и теперь, порою, можно слышать среди стариков-станичников: „мы, мол, люди нерусские!“ С этой сказкой надо покончить. Теперь настало время показать донцам их далекое прошлое в правдивом освещении. И не им, труженикам, стыдиться, если на ряду со славными, будут показаны и мрачные страницы истории казачества: позор и проклятье лежит на тех, кто на протяжении веков обманывал и предовал казаков.

— Кто такие донские казаки в прошлом?—Российские крестьяне, бежавшие на Юг от рабства; смелые люди, не мирившиеся с боярским гнетом, любившие свободу и потому уходившие в привольные донские степи. То обстоятельство, что в разговорном казачьем обиходе встречаются нерусские слова, об'ясняется очень просто: ведя в старину почти непрерывные войны с турками, татарами и другими народами, постоянно соприкасаясь с ними, донские казаки переняли от них некоторые названия, сохранившиеся и до наших дней.

Цель этой книжки—дать казакам краткое представление об их далеком прошлом, о том, что тщательно скрывалось и искажалось царизмом и его приверженцами. Несколько исторических очерков, приводимых здесь, покажут донцам—как обманывали их старшины разные и „домовитые люди", как предавали атаманы продажные и как цари постепенно, все сильнее и сильнее затягивали мертвую петлю на шее донского казачества, четыре века тому назад сложившегося из смелой российской вольницы.

В основу настоящих очерков положены материалы, взятые из „Исторического описания земли Войска Донского" изд. 1867 года; из историко-литературного журнала „Дон". 1887 года; из „Истории Дона" — Евгр. Савельева из рукописи, предоставленной автору Иваном Алексеевичем Лунченковым и из других источников.

Недочеты, несомненно имеющиеся в этой маленькой книжке, об'ясняются тем, что писавший ее — ни в коей мере не историк, а только — донской казак, отдавший себя делу революции с первых ее дней. И только одно желание — чтобы все донцы, от старого до малого, правдиво оценили седое прошлое казачества и поняли стремления Советской власти и коммунистической партии, — дало автору смелость написать эти очерки.

МИХ. ДОНЕЦКИИ.

БЕГЛЕЦЫ ИЗ СТАРОЙ РУСИ.

Постоянные междуусобные войны, ведшиеся удельными князьями старой Руси, разорение и грабежи, сопровождавшие эти войны — создавали для крестьян чрезвычайно тяжелые условия. С усилением же Московского великого князя и с появлением воевод и бояр, крестьяне стали превращаться в бесправных холопов, оскорбляемых и унижаемых. Более сильные духом из них не мирились с рабством и уходили на „вольные“ земли, в частности на Дон, куда в те времена еще не доставали жадные руки царей, бояр-грабителей и воевод, и где всякому, кто искал свободы человеческой личности — был широкий, вольный простор.

Особенно усилилось бегство на Дон со времен князя Ивана 3-го, с „легкой руки“ которого московские цари стали забирать земли в руки правительства и раздавать их своим „служилым людям“, никакого отношения к земледелию не имевшим. Земли стали ускользать из рук крестьянства.

После покорения и присоединения к московскому царству Новгорода, Пскова, Смоленска, Рязани, Твери и Казани, большая часть земель была отдана на казенный оброк, или роздана „служилым людям“ в поместья и вотчины. Это еще более ухудшило и без того тяжелое положение крестьян. Затем, Борис Годунов, желая привлечь на свою сторону бояр и дворянство, в угоду им, между 1592 и 1597 годами издал указ о прикреплении свободных крестьян к земле и тем усилил крепостничество, окончательно закрепленное в первой половине семнадцатого века. Нарушавшие этот „закон“ стали считаться беглыми.

Прежде свободный русский крестьянин-общинник превратился „по закону“ в бесправного и безгласного раба. Крестьян стали продавать оптом и в розницу, как домашний скот... Впоследствии даже Петр I, узнав истинное положение вещей, пришел в недоумение и в указе от 15 апреля 1721 года, писал:—„продают людей как скотов... оную продажу пресечь!“ Но тут же оговаривалось:—„а ежели невозможно будет того вовсе пресечь, то хотя бы по нужде продавали целыми фамилиями, или семьями, а не врознь!“.

Вот что гнало российских крестьян на Дон и в последующие годы, пока царизм был еще не настолько силен, чтобы покорить свободное вначале донское казачество, когда Дон был гостеприимным для беглых из каторжной Руси крестьян, и когда самое слово „казак“ было символом вольности.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ.

„И вот к украйнам проникает
Из Руси от бояр скрывавшийся народ:
Бегут на Дон все те, кому в суровой доле
С неправдою людской не в силах было жить;
Бегут сюда и те, кто жить хотел на воле
И казаками день хотя один пробыть“...

Из архивных выписок за время 1614-1640 годов и из актов Посольского Приказа („Донские дела“), по которым было составлено „Историческое описание земли Войска Донского“, видно, что местность, ставшая известной под этим именем, прежде называлась „Полем“.

Еще во второй половине пятнадцатого века на этом Поле бродили разные кочевые орды, производившие набеги и грабежи. Например, в 1489 году великий князь Иван III жаловался крымскому хану на татар, которые ограбили в Поле российских „гостей“ (послов) и просил о наказании грабителей.

В начале шестнадцатого века бродячие толпы на Поле так умножились, что из российских окраинных городов туда посылались партии вооруженных людей—для „разведывания“ и с целью предупреждать внезапные нападения.

Чаще всего производили набеги азовские (турецкие) казаки, почему великий князь Василий темный, в 1523 году жаловался турецкому султану:

—„Наши украинные люди ходят по украйне (по окраинам), иные по своей воле, иных наместники посылают на Поле для соглядания злых людей. И твои азовские казаки емлют наших людей на Поле, отводят в Азов и продают, и вообще твои казаки азовские людям нашим много зла причиняют“.

Год от году разноплеменные толпы умножались, и в 1528 году послам было почти невозможно проходить безопасно через Поле. Так было со стороны крымской. Но в то же время такие толпы вольницы бродили по Полю и с другой стороны—татары и русские.

В 1538 году, на жалобу ногайского мирзы, царь Иван Васильевич отвечал: „И вам гораздо ведомо лихих где нет? На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди как вам тати, так и нам тати и разбойники!“

В 1546 году воевода путивльский Михайло Троекуров писал царю: „Ныне государь, казаков на Поле много, и черкасцов, и киян, и твоих государевых; вышли, государь, на Поле из всех украин“.

Тогда же, и еще раньше—встречаются упоминания о разных казаках. Так, например: в Крымской орде—с 1474 года; в Волжской—с 1492; в царстве Казанском—с 1491; в царстве Астраханском—с 1502; в Азове—с 1499; в Аккермане—с 1515; даже чуваши, мордва и черемисы имели своих казаков.

Самое слово „казак“ означало тогда военного человека, охраняющего границы, или разбойника (занятие разбоем было в духе тогдашнего времени). Вообще же казак обозначал отважного наездника, живущего набегами и войной, и не привязанного к земле и домашности.

Поэтому в древних летописях и встречаются такие слова: „На Поле ходят баловни казаки“, или „казакует“, а затем—„живут своим казачьим обычаем“.

Собственно же о донских казаках, как о сложившейся общине, упоминается впервые только в 1549 году. До этого времени донские степи, называвшиеся Полем, постоянно обитаемы не были: там бродили разноплеменные толпы, в том числе и россияне. Каким образом, и в какое точно время эти толпы россиян об‘единились в одно общество и избрали постоянное местопребывание—неизвестно. Очевидно, убедившись, что совместные действия удачнее и прибыльнее, нежели в одиночку и вразброд, они об‘единились по языку и вере и, мало по малу привыкнув к общественности, положили начало общине донских казаков.

Таким образом, надо полагать, что первое общество донских казаков сложилось не ранее последних годов пятнадцатого столетия. В „историческом описании земли войска Донского“ по поводу первого общества донцов говорится следующее:

—„Это были люди, искавшие дикой вольности и добыч в опустевших улусах Батыевой орды, в местах ненаселенных, где Волга сближается с Доном и, где издавна лежал торговый путь из Азии в Северную Европу. Одни укрывались здесь от владельцев своих, другие увлекались своевольством, стремились в обширные степи, к независимой жизни, где отдыхали от прежних бедствий и не опасались никаких наказаний“.

Отважный удалец, умевший владет конем и оружием, легче всех других был принимаем в общество донских казаков, которые были воинственными и не имели постоянных жилищ, так как почти все время проводили в войнах и набегах.

Убежищем для первых казаков служили дремучие леса и непроходимые места.

С течением времени казачья община умножалась и стала настолько сильной, что могла воевать и с крымцами, и с азовцами, и с татарами. Не щадили казаки иногда и российских послов, ездивших через Дон по торговым и политическим делам.

Султан турецкий, хан крымский и князья ногайские не раз жаловались на казаков московскому князю Ивану, но он отрекался от них,

говоря: „На Дону живут разбойники без нашего ведома... мы и прежде сего посылывали истребить их, но наши люди достать их не могут“! Московский царский двор был тогда бессилен подчинить себе смелую российскую вольницу, основавшуюся на Дону.

Но уже в 1551 году, турецкий султан, убеждая ногайского князя воевать против Руси за одно, писал: „Русского царя Ивана лета пришли, рука его высока стала, уж и мне от него обида великая... казаки его с Азова оброк емлют и воды из Дону пить не дадут“!

Россия тогда была в непрерывных войнах с ногайцами и крымцами и, конечно, царь не без удовольствия видел, как донские казаки, (хотя бы и „разбойники“, хотя бы и беглые из его „украин“) становились страшными для его противников. Таким образом, выходило, что казаки помогали русскому царю.

И царь учел это обстоятельство: через особых посланцев он об‘являл казакам „прощение“, обещал им свое покровительство, предлагал деньги и свободу „жить в избранных местах“, но с условием: „вредить неприятелю, удерживать его от набегов на наши украйны и подавать вести“.

Каждому послу, ехавшему через Донские земли в Царьград или Крым, царь поручал уверять казаков в его „царской милости“ к ним, „в жалованьи“ и требовать за то „усердной службы“.

Иван Грозный, а затем и царь Федор Иоаннович, хотя и были часто недовольны своевольством и непослушанием казаков, продолжавших принимать в свою среду беглых из Руси крестьян, однако побаивались их и, желая крепче привлечь на свою сторону, посылали им подарки и жалованье, а посланцев с Дона „милостиво“ принимали в Москве.

Так как казаки жили тогда преимущественно войнами и набегами, то охотно помогали царю в завоевании Казанского и Астраханского царств, участвовали в войне с Ливонией и т. д. Все это сулило выгоды, тем более, что купцы, например, Строгановы, которым царь покровительствовал, не жалели „жалованья“ для Ермака и его казаков, и при их помощи не только охраняли свои колонии от набегов кочевников, но и значительно расширили территорию влияния своего капитала. Именно из владений купцов Строгановых начался поход Ермаковой дружины в Сибирь...

Но когда на царский престол сел Борис Годунов, приближалось „Смутное время“, и положение резко изменилось; он пытался строгостью укротить „своевольство“ донских казаков и подчинить их себе; запретил казакам приезжать в Москву и во все российские города, лишил жалованья и вообще пытался превратить их в покорных рабов, какими были крестьяне боярской Руси.

В ответ на это казаки стали на сторону появившегося лже-Дмитрия. Захваченным стрельцам, отпуская их в Москву, казаки дали наказ: „Об‘явите гонителю нашему Борису, что мы скоро будем к нему с царевичем Дмитрием!“

Перепуганный Борис Годунов отправил на Дон послов с „увещанием“, но казаки схватили их и выдали лже-Дмитрию. Вскоре затем наступило так называемое „смутное время“, и казаки, бывшие фактически независимыми от Москвы, становились на ту сторону, какая обещала им полную свободу и на какой было выгодно.

Когда решался вопрос о том, кому быть на Руси царем, то боярская Москва мобилизовала армию попов, которые, зная религиозность казаков и угрожая им „гневом божьим“,—требовали „государевой службы“, одновременно суля казакам от имени „законного царя“ всяческие награды и почести. И донцы попались на эту удочку: они—хотя и продолжали жить своим „казачьим обычаем“—в значительной степени способствовали тому, что русский престол, в 1613 году, по воле бояр и дворянства, был занят „благоверным“ Михаилом Романовым.

Между тем Дон непрестанно пополнялся беглыми, ибо положение крестьянского люда на Руси нисколько не улучшалось, а наоборот—с каждым годом становилось все тяжелее и невыносимее.

На Дону же была широкая свобода человеческой личности. Богатые плодородные земли оставались невозделанными. Бояр-помещиков там не было, а сами казаки земледелием не занимались, проводя время в набегах и войнах:

— „Степью широкой,
Степью необ‘ятной...
Там, на воле, на Тихом Дону!
Скучно станет—на Волгу пойдем.
Бедно станет—и денег найдем.
Волга матушка всех приютит,
Всех приласкает, всех одарит“...

КАК ЖИЛИ КАЗАКИ В СТАРИНУ.

В конце шестнадцатого столетия, казаки, делившиеся на „верховых“ и „низовых“, располагались в городках и зимовищах, тянувшихся на 800 верст—от устья реки Хопер до реки Аксай. Городки являлись постоянными жилищами, а зимовища—временным приютом, где бездомовые казаки проводили зиму в шалашах, уходя с наступлением весны на военные поиски и добычи.

Сколько всего было городков и зимовищ—определить трудно. Еще труднее определить число казаков, так как оно постоянно изменялось притоком новых людей.

ст. Раздорская, в конце XIX в.

Главным городком на Дону в то время были Раздоры, недалеко от нынешней Раздорской станицы, и там имел пребывание войсковой атаман. Все свои дела казаки решали общим советом: итти ли на войну, делить ли добычу, судить ли изменника. Особых властей и старшинства лиц у них тогда не было. Исполнителями воли казачьей были войсковой атаман и старшины, а письменные дела справлял войсковой писарь.

Вся власть принадлежала народному собранию, которое называлось Войсковым Кругом. Лично атаман не имел особенной власти: он был только исполнителем приговоров народа и в Войсковом Круге его голос был равен голосу каждого казака. Атаман ничего не мог предпринять по своей воле, иначе его могли не только с позором изгнать, но даже и лишить жизни.

Избирался атаман ежегодно, большинством голосов и, по окончании срока, если его не выбирали вновь—становился в общий состав казаков, не имея никаких отличий. Также избирались и войсковые есаулы, которые были исполнителями казачьей воли и приказаний атамана. Войсковой писарь был лицом важным: кроме него никто не имел права писать бумаг от Войска, но властью он никакой не пользовался.

Точно так же строилось управление и в городках, где так же избирались атаманы, полностью зависевшие от воли всего общества городка-станицы. В военное время избирались походные атаманы и есаулы, которые по окончании походов эти звания слагали и никакими преимуществами не пользовались.

В половине семнадцатого века казачьи городки стали умножаться. Самое многолюдное население казаков было в нижней части Дона, где после Раздор были основаны главные городки, сначала Монастырский, а затем—Черкасск (нынешняя ст. Старочеркасская). Уже к 1672 году казачьих городков насчитывалось 48.

Казаки отличались скромностью в домашнем быту, но в торжественных случаях—в праздники и в приезд „знатных“ гостей любили наряжаться богато, при чем любимыми цветами их одежды были—синий и красный (Вероятно отсюда, впоследствии, широкие „форменные“ синие шаровары с красными лампасами).

Свободное время старики проводили в станичном курене, или на майдане; играли в шашки, вели разговоры о былых походах, пели былины-песни, плели сети и т. д. А молодежь играла в бабки и „ладыжки“, развивая меткость глаза и руки.

Гостеприимство и хлебосольство почиталось обязанностью каждого.

В пограничных городках и на кордонах казаки вели холостую жизнь, а в удаленных от границы—жили семейно. Под давлением условий военной жизни и благодаря влиянию Востока, с обычаями которого казаки тесно соприкасались—власть мужа над женой была неограничена и брак, заключенный на майдане, даже скрепленный венчанием в церкви, был не прочен. Муж имел право вывести свою жену вновь на майдан и сказать:

— „Атаманы молодцы, она была мне услужливой и верной супругой; теперь она мне не жена, а я ей не муж!“ Этим дело развода и кончалось. Но тут же другой мог взять „разведенную“, прикрыв ее полою своего кафтана и публично заявив:

— „Ты будь мне жена“. Она должна была ответить: „Ты будь мне муж“, и поклониться до земли в знак подчинения. Однако, с течением времени этот полуварварский обычай брака отжил; женщина

казачка становилась не только равноправной в домашнем быту, но даже умела, в моменты грозящей опасности, браться за оружие, чтобы отстаивать свою станицу от вражьих нападений.

Девушки-казачки в станицах пользовались полной свободой и росли вместе со своими будущими мужьями; личная жизнь их не стеснялась.

Почтение к старшим было обязанностью молодого поколения— молодежь не имела права садиться в присутствии стариков. Любимым занятием молодежи были военные игры и стрельба в цель.

Когда рождался мальчик, то родные и „односумы“ отца приносили новорожденному подарки „на зубок“ - ружье, патрон пороху и пулю и пр.

Земледелия казаки чуждались. Дон по природе был богатым краем, дававшим пищу почти без особого труда. Не даром же в старой казачьей песне поется:

—„У нас, на Дону, живут не по вашему,
Не ткут, не прядут, не сеют, не жнут,
А хорошо живут!...“

СТЕПАН РАЗИН.

Превратив российское крестьянство в бесправных рабов, московские цари постоянно стремились наложить свою властную руку и на донское казачество. Масса казаков, недовольных притеснениями самодержавия и любивших свободу — пошла за Степаном Разиным, клич которого на Волге — о правах русского крестьянства, о попранных правах человека — упал на благодарную почву.

Разин выражал чаяния русского трудящегося люда, угнетенного и ограбленного; он сложил свою голову за дело освобождения. Воодушевленный подвигами Степана Разина, один из летописцев влагает в уста Степана, перед его казнью, такие слова:

— „Пусть видит весь народ, что за него я голову сложил. Пусть там меня, в Москве, казнят, пусть колесуют, пусть тризну справят надо мной, упьются кровью пусть казацкой под стон народный... Но уж погибнуть не должно в народе сделанное мною: не мог я дело совершить — пусть сделает другой, не тот — так третий. А на Дону!.. и вспомнят все тогда меня, Степана Разина, донского казака, и клич казацкий боевой... когда их подлый дьяк как стадо перепишет и целованием креста на верность царю приведет!"

Восстание Разина было подавлено. Московский царь не жалел народной крови — погибло много тысяч людей. Царь потешался над трупом свободолюбивого донца — Разина, а виновники этого „торжества", предатели Степана — войсковой атаман Корнила Яковлев, старшины Родион Осипов, Михайло Самаренин и другие были „потчиваемы романеей за царским столом с большим удовольствием". Они же получали от бояр инструкции для приведения всех атаманов, есаулов и казаков к присяге на „верность службы" царю.

Этим предателям, да полковнику Григорию Косагову и дьяку Андрею Богданову было поручено об'явить царскую „милость" всему Войску Донскому за доставление в Москву Разина и за истребление его сообщников. Кроме того, уверяя в „прощении", царь требовал скорейшей посылки казаков под Астрахань, где орудовал сподвижник Разина — Васька Ус.

24 августа 1671 года полковник Косагов, дьяк Богданов, атаман Корнила Яковлев и двугие — прибыли в Черкасск. Собрался унылый Войсковой Круг... Косагов „по наказу" об'явил царскую „милость", но когда заговорил о присяге Круг заволновался:

— „Мы рады служить без крестного целования и нам присягать не для чего!" Четыре дня продолжалось волнение. На Круге

присутствовали казаки низовых станиц; верховые отсутствовали. Долго продолжался спор и пререкания с послом, который грозил царским гневом. Наконец домовитые казаки и старшины взяли верх и постановили присягнуть на верность царю... „а ежели кто не учинит присяги, того казнить смертью и имущество грабить“.

Присяга была произведена в присутствии Косагова на майдане. Дьяк Богданов вписывал имена присягнувших казаков в книгу, присланную из Посольского Приказа. Другая книга была оставлена Войску—для внесения в нее имен тех казаков, которые впредь будут приходить „из ослушных“, а также всех тех, кто родится на Дону и достигнет совершеннолетия.

Так сбылось предсказание Степана Разина. Домовитые, то есть богатые, казаки и старшины, предавшие Степана, предали затем и всех казаков, которых „подлый дьяк“ переписал действительно „как стадо“. Присяга эта заключалась в следующем:

—„Все, могущие возникнуть возмущения и заговоры противу государя, казаки и старшины должны укрощать немедленно, заговорщиков присылать в Москву, а их сторонников казнить смертью. Самим к таким злоумышленникам не приставать и даже не помышлять о том. На здравие царя и его фамилии не посягать и кроме его величества государя, царя и великого князя Алексея Михайловича—другого царя не желать и не призывать, а если услышат или узнают на государя и его фамилию какой скоп или умысел, возникший у россиян или у иноземцев, то с такими злоумышленниками, не щадя своей жизни, биться“...

Донские казаки подпали под влияние московского царя и он использовал их в своих интересах, не касаясь, пока, внутреннего управления Войска и уклада жизни казаков.

В это время сподвижники Разина—Васька Ус и Федор Шелудяк, узнав, что их атаман арестован на Дону и выдан Москве, решили освободить его. С ними в Астрахани, Царицыне и других волжских городах было еще много вооруженных людей—казаков, стрельцов и жаждавшего свободы крестьянства.

Клич Уса и Шелудяка об истреблении бояр, думных людей и купцов, как врагов народа—нашел отклик в массе населения. Весь волжский край восстал. Но и это восстание было подавлено. Последняя попытка разинцев свергнуть ярмо московского самодержавия потерпела неудачу: Васька Ус умер, а Шелудяк попал в плен к воеводе Милославскому и был казнен. Казаки и остальной народ разбрелись в разные стороны; остатки, укрывшиеся в Астрахани, были осаждены Милославским и сдались.

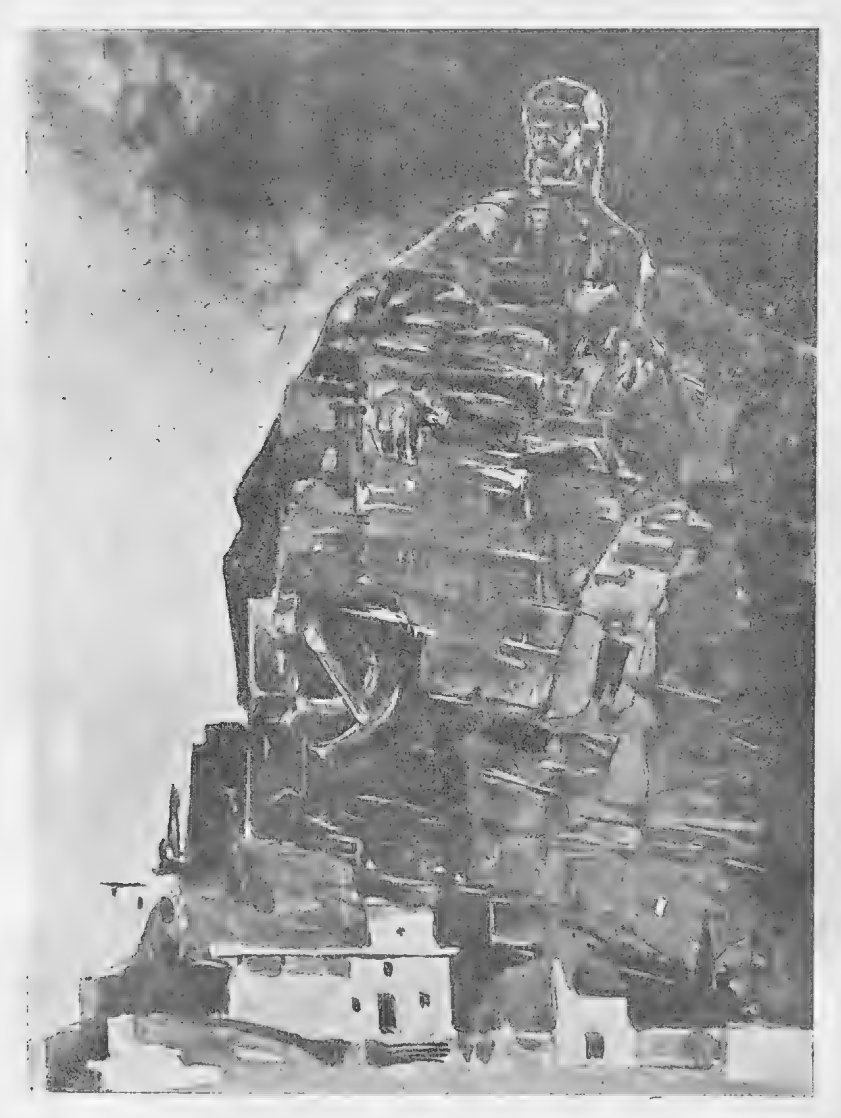
27 ноября 1671 года, князь Милославский вступил в Астрахань...

„Принеся господу богу в соборной церкви благодарность, царский воевода приступил к водворению порядка: главных возмутителей из донских казаков и астраханских жителей велел повесить, другим—

отрубить головы; прочих же, согласно государеву указу—разослать по тюрьмам, в отдаленные города“.

Многие, принимавшие участие в мятеже, были наказаны кнутом.

Так московский царь руками своих прислужников—бояр и воевод, старшин и атаманов—расправлялся с крестьянами и казаками, восстававшими против рабства и насилия, против грабежа и произвола дворянской шайки.

Проект памятника Степану Разину вблизи Баку (Балаханы). Памятник будет высечен из скалы.

*
* *

Над широкой Волгой песня раздается,
Далеко и звонко по реке несется,
И волнуясь зыбью легкой серебристой,
Тихо внемлет Волга песне голосистой.

По реке гуляет лодка атамана,
Казака лихого—Разина Степана.
Разин веселится на речном просторе,
Позабыв и казни, и страданий море.
Запад заливая полосой багровой,
На роскошной ткани паруса шелковой
Солнце отразилось яркими лучами
И скользит на волнах чудными огнями—
Озаряет весла лодки расписные,
Алые одежды, сабли дорогие,
Озаряет лица молодцов удалых,
Боем закаленных, в битвах побывалых;
Вот оно как будто ярче засветилось,
Заблистало краше, словно изумилось:
Для чего средь этой шайки безрассудной
Девушка с волшебной красотою чудной?
Отразилось в волнах яркими огнями
И княжну ласкало теплыми лучами.
А княжна—дочь шаха, вспомнила не мало
Дум своих заветных... Как она бывало
Западом таким же ярким любовалась,
Как бывало страстно сердце загоралось,
Как она толпою слуг повелевала,
Как она неволи пленницы не знала.
Все припоминает: страшное сраженье,
Бой кровопролитный и ожесточенье,
Бегство побежденных и полон ужасный
И Степана с лаской бурною и страстной,
Слезы и проклятья, горькие рыданья,
Ласки атамана и в любви признанья...
Много вспоминает сердце молодое
И, свиваясь, грезы шепчут про былое...
Песня раздается, песня замирает,
А Степан с ватагой буйною гуляет,
И вино по кубкам золоченым льется
И за кубком—новый кубок подается.
Охмелел заметно Разин беспокойный—
Думы потеснились массою нестройной...
Он окинул взором лодку расписную,
Казаков разгульных, Волгу голубую,
Что катилась тихо, широко и вольно...
Атаману стало тяжело и больно—
Горькая улыбка по лицу скользнула,
На глазах безумной злобою сверкнула.
Атаман унылый в думы погрузился
И, блуждая взором, вдруг остановился

На княжне персидской... Сердце закипало,
Но пред ней невольно снова остывало...
Вот прошло мгновенье и потом другое,
Загорелось снова пуще ретивое:
Думы беспокойно в сердце расходились,
В сердце закипели, через край полились.
И с какой то страшной болью затаенной
Крикнул над рекою Разин охмеленный:
„Волга—мать родная, Волга голубая!
„Ты меня носила на себе, качая,
„Ты меня поила, ты меня кормила,
„Золотой казною, славой наделила,
„Наделила громкой и далекой славой,
„Что прошла над Русью лентою кровавой...
„Волга, мать родная! Ты беды не знала,
„Ты свободно к морю Каспию бежала...
„Ох, кабы ты, Волга, вспять поворотила,
„Да кабы над Русью ты все горе смыла!
„Ох, прости, повинен я перед тобою.
„Ты меня вскормила грудью водяною,
„Что могла, ты смело все мне отдавала,
„Не одну расшиву в волны принимала...
„Все мне отдавала. Только я с тобою
„Не делился славой, золотой казною.
„Так возьми же Волга, матушка родная,
„Вот тебе подарок... память дорогая!“
И в чаду каком то дерзкою рукою,
Подарил он Волгу податью живою.
. . . .
. . . .
Схоронив царевну в омуте глубоко,
Волга покатилась к Каспию далеко.
А заря на небе в облаках тумана
Кровью записала жертву атамана...

СТАРООБРЯДЦЫ.

К концу семнадцатого столетия приток беглых на Дон, в верхние городки до того усилился, что это обеспокоило „Главное Войско", так как благодаря беглым стало развиваться нежелательное, в военном быту, земледелие. В виду этого, в 1690 году, „Войско" послало из Черкасска в верховые городки строгую грамоту:

— „А если станут пахать, того бить до смерти и грабить!"

Помимо российских крестьян, на Дон стали усиленно переселяться малороссы, недовольные порядками на Украине, где в это время господствовала „гетманщина" и где быстро развивался класс старшин и крупных земледельцев, а прежде свободное малороссийское казачество-обезземеливалось, и обращалось в крепостных холопов.

Московский царь не раз требовал от Дона не принимать беглых крестьян, но донские казаки твердо держались своих традиций—„с реки не выдавать", и отвечали отказом, или уклончиво: „таковых де на Дону не разыскано".

Вместе с крестьянством на Дон, во второй половине семнадцатого века стали появляться беглые старообрядцы. Их скиты, по нескольку человек, были рассеяны, главным образом, в глухих, не населенных местах по рекам Чир, Хопер и Медведица.

Главное войско узнало о них случайно, когда чернецы одного из скитов на р. Чир, рассорившись между собой донесли, что один из их товарищей „не молит бога за царя и патриарха" (Старообрядцы, как известно, появились после Никоновых „новшеств" и были гонимы).

„Дерзкого" старца, на которого был сделан донос, схватили и по решению Круга сожгли, как „еретика", в Черкасске, в 1676 году. Однако это не прошло бесследно. В сожжении старца принимала участие партия казаков,—приверженцев Московского царя, а противная, стоявшая за свободу Дона, усмотрела в старообрядческом движении против царя и патриарха некоторую надежду на освобождение, при помощи старообрядцев, от пагубного московского влияния и стала сочувствовать им, оказывать сначала тайное, а потом и явное покровительство.

На Дону снова запахло разиновщиной. Во главе движения против Москвы стали Фома Севастьянов, Павел Чекунов и другие. Сторонники их изо-дня в день умножались и в Войсковом Круге имели уже значительный перевес.

Старообрядческие попы открыто раз'езжали и проповедывали о „ереси" царя и патриарха. Войсковой атаман—рьяный сторонник царя,

домовитые казаки и старшины приходили в отчаяние. Круг шумел и волновался, особенно после появления на Дону какого то слепого старца, привезшего подложную грамоту „от царя Ивана Алексеевича“, которого якобы „обижали бояре“...

Узнав об этом, Москва потребовала выдачи старца с его „воровским письмом“ и, между прочим, напомнила казакам о казни Степана Разина... Круг, собравшийся по этому поводу 6—7 сентября 1683 года, пришел в ожесточение; старца и его сообщников казаки выдавать не хотели: „и без них на Москве мяса много“!

Однако, по настоянию войскового атамана и многих старшин нашлись охотники, которые отправились, вместе с царским послом Тарасом Ивановым разыскивать „мятежников“ для отсылки в Москву. Атаман Фрол Минаев, провожая царского посла, сообщил ему тайно имена всех сочувствующих мятежу казаков и старшин.

Таким образом, религиозное движение, захватившее в 1682 году стрельцов-старообрядцев в Москве, отозвалось и на Дону, где оно приняло уже чисто политический характер—стремление освободиться от влияния московского царя. Течение это было настолько сильно, что многие царские грамоты о выдаче беглых старообрядцев и о разорении их скитов, оставались без исполнения.

В Москве этого движения не понимали, считали его простым отголоском стрелецкого мятежа и потому послали на Дон 10 сентября 1683 года грамоту, с наставлением: „помнить присягу и не слушать скитающихся по городам воров-раскольников, не желающих принести повиновение святой соборной и апостольской церкви“.

Между тем на Дону противная Москве партия деятельно готовилась поднять знамя открытого восстания и ждала удобного момента. Чтобы войсковой атаман Фрол Минаев не мешал, его послали в Москву за жалованьем, а вместо него Круг избрал Самойлу Лаврентьева—противника московского царя.

Когда же Минаев вернулся с царской грамотой, призывавшей казаков в крымский поход, то его избрали походным атаманом... Хозяевами Дона остались противники Москвы. Старообрядцы торжествовали и проповедывали скорый конец царской власти...

Но в это время, из неудачного похода вернулся Фрол Минаев и, увидев серьезность положения, повел борьбу. Экстренно был созван Войсковой Круг, на котором произошла борьба партий—между противниками и сторонниками московского царя. Минаев и его единомышленники одержали верх; некоторые из противников были закованы в цепи и отправлены к царю на расправу, а Самойла Лаврентьев, покидая атаманство, должен был „ухорониться“. Все казаки, присутствовавшие на Круге, снова, по настоянию Фрола Минаева, присягали на верность царю.

Царская грамота на Дон от 2 января 1688 года была полна укоров и даже угроз „за ослушание“. В ней требовалось выдать мятежных казаков и попов. Выданные московскому царю Кирей Матвеев,

Самойла Лаврентьев, Павел Чекунов, поп Самойла и другие—были четвертованы. Других казаков били кнутом „с урезанием языка", и затем сослали в Сибирь.

Большая часть мятежников погибла. На Дону сторонники царя торжествовали.

Царское правительство вело гнусную политику по отношению к Дону, разобщая стойкую до того времени казачью общину, где угрозами, где подкупами и посулами, а где просто насилием. Дон раскололся надвое.

Старое казачье право войскового суда и „с реки выдавать" ушло в область преданий. Прежние царские грамоты с просьбой: „а вы бы нам, атаманы-молодцы послужили", стали заменяться указами из Посольского Приказа.

За предательство своих братьев-казаков, атаманы и старшины получили похвальные царские грамоты и усиленное жалованье „за службу и радение", в то время как тысячи боровшихся за свободу казаков, спасаясь от руки палачей, скитались по Кумским и Кубанским степям, по предгорьям Кавказа и погибали по проискам московского царя.

В грамоте 1 июля 1689 года Иоанн, Петр и Софья Алексеевичи, царствовавшие тогда совместно, писали на Дон: „всем атаманам и казакам, войсковому атаману Флору Минаеву и всему войску донскому"—о даровании царского „милостивого слова", и указывали возможность возвращения казаков с Кумы „если они им, великим государям вины свои принесут и обратятся на истинный путь, и к воровству приставать не будут".

Та же грамота требовала, между прочим: „пущих воров и заводчиков отсылать в Козлов и отдавать царскому стольнику и воеводе Федору Давыдову".

Однако немногие рискнули воспользоваться этими царскими „милостями" и возвратиться в родные места.

Таково было положение на Дону к моменту вступления на русский престол единого самодержца, Петра I-го.

АЗОВСКИЙ ПОХОД ПЕТРА I-го.

Об‘явив себя в 1689 году единодержавным государем, Петр I-й повелел донским казакам „чинить промысл над азовцами и крымцами“, и начал готовиться к войне с этими народами.

Стотысячную армию, под командой боярина Шереметьева, Петр двинул на Крым, а тридцатитысячная, назначенная против Азова, собралась в Тамбове, откуда, по первому весеннему пути двинулась на реку Хопер и затем, по правой стороне Дона, к Черкасску.

Войску донскому было предписано, чтобы все казаки, по мере приближения русского отряда, присоединялись к нему и поступали в распоряжение его начальника—генерала Гордона. Атаману Фролу Минаеву секретным приказом было повелено хранить этот поход втайне и никому, кроме „лучших старшин“, не об‘являть.

С недоумением и тревогой встретили казаки появление русских войск на Дону. Недавнее брожение еще не улеглось. Подчинение московскому военноначальнику, да еще иностранцу—вызвало большое недовольство казаков.

В первых числах июня 1695 года русские войска достигли Черкасска; 8-го числа туда прибыл и сам царь, приказавший двинуть все силы под Азов. Поход этот был неудачным. Хотя Петр и придавал ему характер „победы“, однако, народ скоро узнал, что почти вся русская армия на обратном пути погибла от голода и болезней.

Азов был взят во второй поход Петра, в 1696 году, при чем решающую роль в этой победе сыграли донские казаки, на которых и легла, затем, вся тяжесть по защите завоеванной крепости.

Но несмотря на это, Петр *ненавидел* казаков и отрицательно относился к их самобытности. Стремление царя к неограниченному самовластию не мирилось с республиканским духом и укладом донского казачества.

Казаки за свои подвиги не получили от царя ничего, кроме строгих требований—„чинить промысл под ногайские улусы, под Темрюк и оказывать всеми силами помощь Азову“, где был оставлен русский гарнизон.

Мало того, в бытность в Черкасске в 1695 году, Петр отобрал у донских казаков грамоту Ивана Грозного, пожалованную за участие казаков во взятии Казани, в 1552 году, и признававшую Дон *самостоятельным*.

Царь ласкал и награждал одного Фрола Минаева и близких к нему старшин, за рабскую преданность. Словом, атаманы Корнила

Яковлев и Фрол Минаев продали Дон московскому царю, продали все казачьи вольности.

Доном стала управлять кучка преданных царю старшин во главе с войсковым атаманом и их поддерживал постоянный гарнизон в Черкасске, доходивший численностью до 5,000 человек.

Выдача царского жалованья стала производиться „по заслугам". Понятно, что ближе стоявшие к власти и проявлявшие больше рабского усердия и „преданности" царю — оценивались выше.

Верховые же казаки, жившие далеко от „Главного Войска", находившегося в Черкасске, считались неблагонадежными, „смутьянами-ворами". Ниже мы увидим почему.

КОНДРАТ БУЛАВИН.

Обозленные потерей Азова, турки стали готовиться к нападению на Дон, для чего заключили союз с крымцами, ногайцами и горцами. Уже в 1697 году они формировали на Таманском полуострове большую армию.

Москва, предупрежденная казаками, выслала отряд под командой боярина Шеина, который вместе с казаками разбил турецкие войска, подошедшие к Азову в июле месяце. С этого времени казаки, по царскому приказу, постоянно тревожили Крым и Кубань, предупреждая этим набеги на русские границы.

30 июля 1700 года Петр I-й заключил с Турцией тридцатилетний мир и предписал казакам, в случае набегов на них не отвечать набегами же, а приносить жалобу азовскому коменданту, который должен был ходатайствовать перед ачуевским пашой о возвращении награбленного.

Этот приказ поставил казаков в недоумение: Петр явно издевался, а это было сверх сил и терпения донцов.

Кроме того, грамотой 22 июля 1700 года царь приказывал насильственно переселять казаков с места на место, и даже угрожал... Но и этого было мало: царь послал на Дон стольников Кологривова и Пушкина „для приведения в гласность“ всех казачьих городков по р.р. Хопру, Бузулуку, Медведице, Донцу с его притоками и по Дону, а также для высылки всех людей с женами и детьми, пришедших туда после 1695 года — с обязательным наказанием каждого из них, „до одного человека“, батогами.

Десятого из этих „новоприходцев“ царь приказывал отослать в Азов, на каторгу. От атаманов и казаков отбирались подписки: „не принимать беглых людей под страхом смертной казни“.

Дон глухо заволновался.

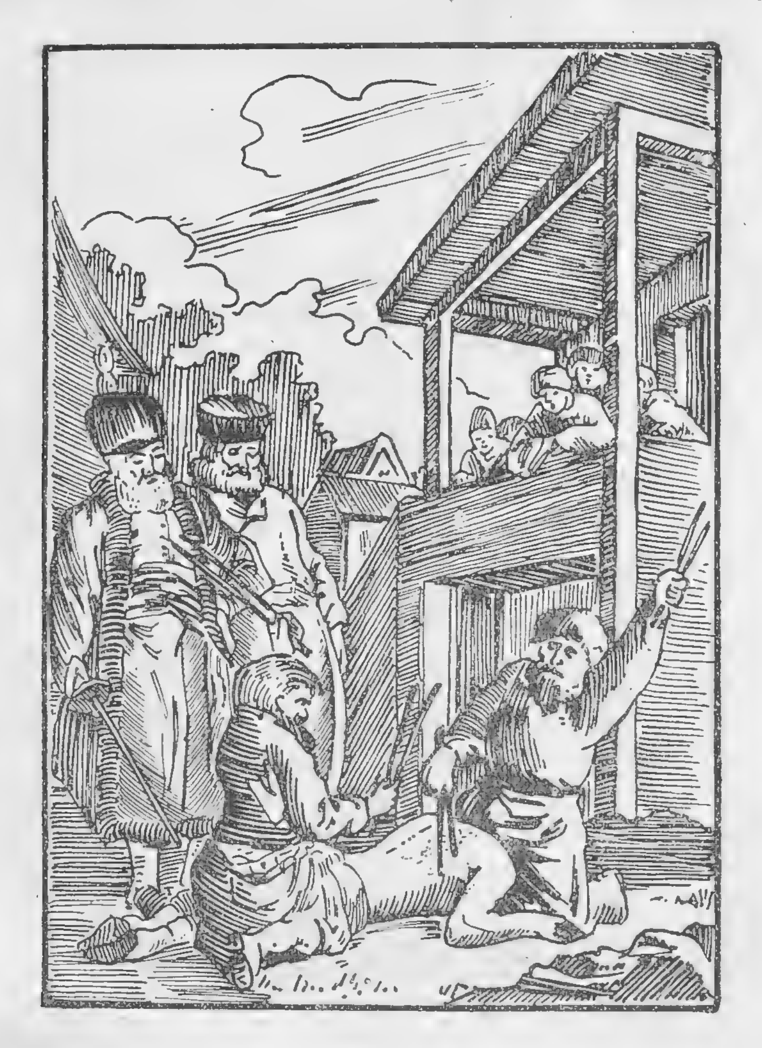
Бесцеремонное обращение царя с казаками заставило задуматься даже преданных ему старшин. Кроме того, казаки терпели притеснения от азовского гарнизона, забравшего в свои руки все рыбные угодья в низовьях Дона; а казачьи полки, бывшие в составе русской армии в шведскую войну—терпели разные обиды от бояр, руководивших армией.

Казаки беспрерывно жаловались в Посольский Приказ.

Наконец, грамотой 26 февраля 1703 года, царь „дозволял“ им ловить рыбу в Дону „про свой обиход“ попрежнему, „опричь тех вод, которые отведены на прокормление азовским жителям и зимовым, солдатам“ (постоянному гарнизону).

Одним словом, лучшие и богатые рыбные места были отняты у казаков, и они задумались: „того ли мы заслужили?“

Петр непрестанно вмешивался в донские дела, издавал часто грамоты и указы противоречащие один другому. В 1705 году он издал указ об уничтожении всех казачьих городов по правой

Наказание батогами.

стороне реки Донца, и о переводе жителей на левую сторону, с высылкой „новопришлых“ в прежние места—в лапы помещиков.

Казаки медлили.

Тогда для принуждения их к выполнению этого указа, царь командировал на Дон, в июле 1706 года стольника Шеншина, которому повелел, между прочим: „обходиться с войсковым атаманом, старшинами и казаками вежливо, не вымогать от них взяток и не требовать излишнего корму и подвод“.

Хотя царь и прислал „жалованную грамоту“ казакам, а атаманам, „в знак воинского начальства“ — пернач, а также колокола и церковные книги, однако этому было радо только „Главное Войско“. Верховые же казаки подозрительно молчали.

На Донце было неспокойно: там шли раздоры из-за соляных варниц, которые особенно отстаивал от захвата царскими ставленниками — атаман Бахмутского городка, Кондрат Булавин.

Тогда, для „обуздания“ верховых казаков, для выполнения приказа о снесении казачьих городков и для розыска беглых, царь послал на Дон драгунский полк под командой князя Юрия Долгорукова.

Этот зазнавшийся царский вельможа в короткое время разорил и сжег много казачьих городков, пытал и бил казаков кнутом, резал им носы и губы, надругался над их женами и дочерьми и заковал в цепи до 3.000 человек, скрывавшихся на Дону от каторжных казенных работ.

В этом „сыске“ беглых деятельное участие принимал старшина Ефрем Петров, посланный в помощь Долгорукому войсковым атаманом и преданными царю старшинами.

Все это происходило на Дону в то время, когда казаки выставили в русскую армию, для войны со Швецией, 26 полков, то есть до 15.000 человек.

Весть о действиях князя Долгорукого быстро облетела весь Дон.

Чаша терпения переполнилась.

Старики грустно качали седыми головами, а молодежь лила пули и точила дедовские шашки.

Хопер и Медведица дрожали от гнева. Туда бросился Булавин. Встретившись там с атаманом Есауловской станицы Игнатом Некрасовым, на общем совещании с верховыми казаками они порешили: восстать за казачью свободу и убить Долгорукого.

9-го октября 1707 года Долгорукий, вместе с полком до тысячи человек—был уничтожен.

Булавин пустил по всему Дону воззвание—призыв бороться за свободу и вольность. Это воззвание подняло все верховое и донецкое казачество. Напрасны были увещевания войскового атамана Лукьяна Максимова, который уверял казаков в пагубности булавинской „затеи“.

У Булавина было уже до 20.000 преданных ему людей, и он намеревался „тряхнуть Москвой“.

Низовые казаки, прикормленные главной властью на Дону, стали на сторону войскового атамана и, будучи лучше вооружены, в нескольких схватках, в октябре 1707 года, одержали верх над булавинцами.

Тогда Булавин, оставив своих приверженцев формировать настоящую армию, сам бросился в Запорожье. „Товариство“, выслушав доводы Булавина, разрешило всем желающим итти с ним.

Петр потребовал от запорожцев поймать и выдать ему Булавина, но гетман Мазепа уклонился от этого, и пропустил Булавина с 3,000 запорожцев на Дон.

Это было весною 1708 года.

Некрасов и Хохлач, к моменту возвращения Булавина, сформировали значительную армию, с которой и двинулись к Черкасску. Главным предводителем был избран Булавин [1]).

9 апреля Булавин разбил войска атамана Лукьяна Максимова и свободно двинулся к Черкасску. За Булавина встал почти весь Дон.

После двухдневной осады Черкасск был взят.

Собравшийся Круг порешил сторонников Москвы—атамана и старшин „побить до смерти". 6-го мая атаману Лукьяну Максимову отрубили голову, а старшину Ефрема Петрова—повесили. Многие из старшин и домовитых казаков укрылись в Азов.

В Черкасске собрался Войсковой Круг, еще небывалый на Дону—из представителей 110 станиц. Кондрат Булавин был провозглашен войсковым атаманом.

Так донцы защищали свои, попранные царем, обычаи и свободу: так наказывали предателей.

Но царь Петр не дремал: еще 12 апреля он повелел Василию Долгорукому (брату убитого казаками князя) немедленно выступить с войском, чтобы „сей огонь зараз затушить", приказав: „все казачьи городки по Донцу, Медведице, Бузулуку и Иловле—сжечь и разорить до основания; людей рубить, а заводчиков сажать на кол и колесовать".

Более двадцати тысяч регулярных войск двинулись на Дон. Василий Долгорукий в точности выполнил страшный царский приказ.

Во всех казачьих мятежах были изменники. Степан Разин, Самойло Лаврентьев, Кирей Матвеев и другие—были окружены предателями и московскими шпионами и были преданы.

Нашлись изменники и в булавинском деле.

Начавшиеся битвы с московской армией сопровождались переменным счастьем, но затем царские войска стали одолевать. Под Азовом булавинцы также потерпели неудачу.

Тогда казаки низовых станиц, 7 июля 1708 года, провозгласили войсковым атаманом Илью Зерщикова и под его руководством напали на курень, в котором находился Булавин с немногими своими единомышленниками.

Булавин долго защищался, и не одному предателю собственноручно снес голову. Но потом, видя бесполезность дальнейшего

[1]) Рядом с гор. Новохоперском, Воронежской губернии, у самого берега реки Хопер, есть невысокая, но большая гора, называемая „казачьей". По преданию, которое до сих пор живет среди местного населения, на этой горе была стоянка Булавина и его казаков.

сопротивления — пустил себе пулю в висок. Последние его слова были: „Погибла наша воля!“ [1]).

И действительно: смерть Булавина—последняя страница из истории свободного Дона.

23 июля Петр, узнав о смерти Булавина, приказал служить всенародный благодарственный молебен, а князь Долгорукий с регулярным корпусом шел вниз по Дону, и истреблял повстанцев.

Подвешивание за ребро.

Это было поголовное избиение казачьего населения.

Игнат Некрасов успел бежать на Кубань с шестьюстами семейств, большей частью—старообрядцев, а затем отдался под покровительство крымского хана. (Недавно потомки некрасовцев, жившие в Турции и Румынии, вернулись на Дон по разрешению Советской власти и получили не только

[1]) Есть предание, говорящее, что вместе с Булавиным была переодетая в казацкое платье его дочь Галя. Она вместе рубилась с отцом и раненая, падая, вскричала: „Отец спасенья нет!“ Потом, увидев, что отец взвел курок, вскочила, обнажила кинжал и проколола себе грудь, воскликнув, обращаясь к изменникам: „Рабы, презренные и жалкие рабы! Смотрите, как умирает свободная казачка!“, и упала мертвой на труп отца.

(Е. Савельев, „История Дона“, часть III).

земельные наделы, но и пособие около 500 рублей на каждое семейство).

Попытка Булавина отстоять казачью свободу стоила очень дорого: 32 городка в верховьях Дона были уничтожены; погибло много тысяч казаков с женами и детьми.

Дон был обессилен.

То обстоятельство, что Дон в то время делился на два лагеря, на сторонников царя и его противников, надо об'яснять не одной только любовью верховых казаков к свободе и независимости.

Если низовые казаки обладали богатыми угодьями и плодородными землями, что делало их зажиточными, то верховые казаки имели землю плохую, богатых угодий у них не было и жили они гораздо беднее донцов, населявших низовья Дона.

Поэтому то верховые казаки и сочувствовали нужде и чаяниям российского крестьянства, стонавшего под гнетом царя и грабителей-помещиков.

НОВЫЕ ПОРЯДКИ НА ДОНУ.

Весною 1709 года Петр I прибыл в Черкасск „чинить розыск о сообщниках Булавина“. Казнив многих, в том числе даже и Илью Зерщикова, предавшего Булавина, царь собрал всех старшин и знатных казаков и об‘явил им „милостивое слово“... „пожаловал“ в войсковые атаманы Петра Емельянова—„по смерть его“.

В 1715 году Емельянов умер. Собрался, по старой памяти Войсковой Круг для избрания нового атамана; большинство голосов получил Василий Фролов, однако, комендант монастырского транжемента, устроенного по повелению Петра в 1711 году ниже Черкасска, после возвращения Азова туркам, доносил царю: „однако-ж решено было у них быть войсковым атаманом Кумшацкому и насеку ему вручили впредь до указу“.

Таким образом, воля большинства казаков в выборе атамана значения уже не имела. Атаманом становился тот, кто был угоден царю.

Сношения Дона с царским правительством стали происходить уже через коменданта транжемента, который являлся как бы царским приставом над Доном. Уже в 1723 году у донского войска было отнято право избирать войскового атамана. С этого времени атаманы назначаются царями.

Старое казачье право войскового суда было отнято. Потерял свое значение и Войсковой Круг. Царь не считался с мнением и волей казачества.

С этого времени войсковой атаман и старшины, ставленники царя, присвоили себе право распоряжаться всеми делами Дона: назначать очередных казаков в полки и отправлять их по царским указам в армию; раздавать награды, в том числе и почетное звание старшины, а также и казачьи чины—должности есаула, сотника и хорунжего; решать тяжебные дела и споры между станицами и т. д.

После разгрома Дона в 1708 году, казаки терпели большие недостатки. Необходимость заставила донцов взяться за земледелие, но будучи обязанными постоянной военной службой, они нуждались в рабочих руках и поэтому, несмотря на грозные указы царя „не принимать беглых из России“, удерживали и утаивали в глухих местах пришлых людей—беглых крестьян.

Войсковой атаман часто посылал, особенно верховым казакам, такие приказы, как, например:

—„1728 года декабря 24 дня. По указу его императорского величества и по присланным из верховного тайного совета

грамотам, велено нам, Войску, великороссийских беглецов, которые сошли на Дон, в казачьи городки, всех отдавать стоящим на винтер-квартирах полковникам и офицерам, с распискою".

Но, несмотря на эти строгости, „Войско" было вынуждено часто отписывать в Москву, что „таковых, при всем желании, на Дону не разыскано!"

К концу царствования Петра, Войско Донское стало принимать обязательное участие во всех войнах. В 1724 году Петр повелел переселить до тысячи семейств верховых казаков в предгорья Кавказа: 500 семейств на реку Аграхань и 500—на Гребни, „для охраны от набегов горцев".

Петр окончательно подчинил себе донское казачество, действуя где угрозой и насилием, где „милостивым словом", где подкупами атаманов и старшин, которые делались приверженцами царя и предателями казачества.

Такую же политику по отношению к Дону вели и преемники Петра I.

АТАМАНЫ ЕФРЕМОВЫ.

17 марта 1738 года императрица Анна Ивановна писала на Дон: „Пожаловали мы Войска Донского старшину Данилу Ефремова, за долговременные и ревностные ево нам и предкам нашим службы, ко оному Войску Донскому настоящим войсковым атаманом, и во всем, что к службе нашей касатися имеет, быть ему в послушании".

В 1753 году Данила Ефремов был пожалован чином генерала и уволен, по его просьбе, в отставку. Войсковым атаманом был назначен его сын, Степан Ефремов.

Через два года началось восстание в Башкирии, а потом семилетняя война. На оренбургскую границу было послано с Дона 3.000, а в Пруссию—до 16.000 казаков. Цари без стеснения пользовались донцами для своих завоевательных целей.

С назначением войсковых атаманов царской властью, начинается расхищение войсковых земель как самими атаманами, так и старшинами. На самовольно захваченных землях они стали поселять бежавших на Дон крестьян, и эксплоатировать их.

К этому классу доморощенных донских помещиков скоро стали примыкать их дети, родственники, „именитые" казаки и выборные войсковые чиновники. Особенно большие размеры расхищение земель приняло при атаманах Ефремовых, Даниле и Степане, которые показали пример другим. Дошло до того, что некоторые старшины, чтобы иметь рабочие руки на захваченных землях, начали покупать крестьян у помещиков русских губерний.

Кроме того, казачьи земли стали „жаловаться" разным лицам „высочайшей властью". Так, например, в 1671 году, Петр третий „пожаловал", неизвестно за какие „заслуги", полковнику Михаилу Себрякову весь Кобылянский юрт, заселенный казачьей станицей.

Жалоба казаков и ходатайство Войска о возвращении этого юрта, были Екатериной II отклоненны, как „дерзновенные". В грамоте 1764 года Екатерина по этому поводу писала Степану Ефремову и всему Войску Донскому:

— „Яко вы, не исполняя токмо велений главной над вами команды, но и в противность уже имянного указа ложно представить отважились, подлежите не малому наказанию".

С лиц, подписавших войсковое определение по этому делу, было повелено взыскать штраф в размере 10.000 руб.

Вот как Екатерина дорожила престижем царской власти своего предшественника Петра третьего, хотя и свергнутого ею же с престола.

Благодаря трудолюбивым крестьянам, на Дону развивалось земледелие, садоводство, скотоводство, коневодство и пр. Все это увеличивало доходы Войска, тем более, что донская природа была вообще богатой. За счет этих доходов богатели лица, близко стоявшие к власти и войсковой казне—атаманы и старшины. Казаки же были в постоянных и разорительных походах; на них, как на пасынков России, возлагались самые трудные и несуразные поручения.

Когда атаман Степан Ефремов, в 1772 году был арестован, казаки заволновались было, усмотрев в этом новое оскорбление; дело могло кончиться восстанием против засилья „столичных вельмож". Однако, после заверения о том, что Ефремов арестован по „высочайшему указу" за ослушание (на самом деле—как слишком уж заворовавшийся), казаки успокоились.

В декабре 1772 года Екатерина писала на Дон. призывая Войско к спокойствию: „буде же паче чаяния и в возбуждение праведного гнева нашлись бы в Донском Войске такие преступники, кои бы и после обнародования сего повеления нашего дерзнули еще продолжать неспокойство и волнение, то да ведают, что тогда не избегнут злодеи и возмутители дойстойной себе казни; впрочем, все пребывающие в повиновении верные рабы Донское Войско наше, навсегда будут пользоваться монаршим благоволением нашим".

Ефремов был отвезен в Петербург, его где осудили к повешению, но Екатерина заменила смертный приговор—вечной ссылкой.

ПУГАЧЕВ. ДВОРЯНСТВО. ПОПЫ.

После ареста Ефремова, наказным атаманом был назначен полковник Сулин. Это было самое тяжелое для Дона время: 22.000 казаков сражались с турками за Дунаем, другие—потребованы в армию —против Пугачева. Оставались одни старики, малолетки и раненые.

1773 год был неурожайным. На Дону был голод. Турецкая война продолжалась.

В это время разгорался бунт Пугачева. Вся Волга была охвачена восстанием. Измученные беспрерывными войнами, разоренные и ограбленные боярами и дворянством крестьяне охотно шли к Донцу Пугачеву, об'явившему себя „императором Петром третьим“.

Трон Екатерины шатался.

Трудно сказать, думал ли Емельян Пугачев на самом деле „царствовать“, ибо он, подняв Урал и Волгу, обещал крестьянам землю и прежнюю свободу, то есть стремился к иному государственному устройству. Эпоха пугачевщины ждет своего историка.

Повторилась „разиновщина“. Части пугачевских повстанцев приблизились к Дону. Обессиленный борьбой и голодающий Дон, помня „булавинщину“ и ее горькие последствия, подчинился приказу Екатерины и собрал против Пугачева поголовное ополчение.

Полковник Луковкин, которому было поручено командование, собрал около 600 казаков, с которыми и разбил передовые пугачевские части, подошедшие к Дону. 14 донских полков, взятые из армии, сражались против Пугачева за пределами Дона.

Еще раз казаки, разрозненные злой волей самодержавия, своими руками хоронили возможность освобождения от ига царей.

Пугачевский бунт был усмирен.

Еще в самом начале пугачевского движения, перепуганная Екатерина прислала на Дон грамоту, в которой полагалась на „несомненную ей верность и усердие Донского Войска“ и предписывала: находившихся в Зимовейской станице жену и трех малолетних детей Пугачева и всю его родню—отправить к обер-коменданту крепости.

Кроме того, Екатерина приказывала, собрать в Зимовейской станице, в присутствии специально присланнного офицера—

— „священный чин, старейшин и жителей, при всех них сжечь курень Пугачева, пепел развеять, огородить то место, окопать рвом, оставя на вечные времена без поселения, яко оскверненного жительством злодея, которого гнусное имя останется

мерзостью навеки, а особливо для донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени, хотя отнюдь таким богомерзким чудовищем ни слава войска донского, ни усердие онаго, ни ревность к нам и отечеству помрачиться и ни малейшего потерпеть не могут нарекания".

Едва ли казаки, уже не раз испытавшие на себе кровавую руку самодержавия, разделяли точку зрения Екатерины на счет „богомерзкого чудовища"! Однако, Войско в точности выполнило приказ и даже перенесло станицу Зимовейскую на другое место, назвав ее „Потемкинской" — в честь любовника Екатерины — Григория Потемкина, в управление к которому, с 1775 года, перешло Войско Донское.

Нельзя судить казаков за это повиновение. Они были тогда уже обессилены и обескровлены, а всякое уклонение от царского повеления, грозило окончательным уничтожением донского казачества. Это, с одной стороны. С другой—главными исполнителями царской воли были, конечно, не рядовые казаки, а войсковой атаман, старшины и казачьи верхи, развращенные самодержавием, подкупленные и потому мало думавшие об интересах казачества.

Особенно старательным преследователем Пугачева был донской полковник Алексей Иловайский, который с 400 казаками бросился через Волгу—ловить бунтаря. Он достиг Яицкого городка и арестовал Пугачева, выданного изменниками.

За это Иловайский, по докладу Потемкина Екатерине, был назначен, вместо Сулина, наказным атаманом Войска Донского и награжден чином армейского полковника.

В 1775 году, для заведывания всеми внутренними делами Дона было учреждено „войсковое гражданское правительство", военные же дела стали в неограниченной власти атамана. А во главе управления всем Войском Донским стал князь Григорий Потемкин.

Одновременно с учреждением такого правительства, было повелено: войсковых старшин производить в штаб-офицерские чины, а есаулов и сотников „признавать и принимать прилично офицерскому чину".

Так создавалось донское дворянство; и лишалось всех прежних прав рядовое казачество—народ, которому когда то принадлежала вся власть, и который когда то был действительно свободным.

9 мая 1792 года Екатерина повелела: „для спокойствия и безопасности кубанских пределов от набегов необузданных горских народов, произвести вновь на линии построение нужных крепостей и редутов и для вящего усовершения той линии, завести на оной вновь казачьи станицы, в которые по исчислению до 3.000 семей потребно. К такому поселению назначили мы шесть донских полков, под начальством генерала Гудовича находящихся, которые и должны быть в полном пятисотенном комплекте".

Это новое насилие вывело казаков из терпения. Казаки трех полков, в числе тысячи человек, явились с линии в Черкасск, с угрозой и требованием отменить это переселение. Иловайский об'явил

им грамоту Екатерины, но казаки пришли в ярость, бросили атаману знамена и разошлись по домам.

Иловайский, боясь дальнейших осложнений, упросил Екатерину и она отменила насильственное переселение, разрешив станицам самим назначать семейства на переселение, но не менее 3.000. Однако, назначенные станицы отказались подчиниться и грамот о переселении не приняли.

Вот, например, как рисуют это событие попы, ставшие к тому времени на Дону не только царскими проповедниками и прислужниками, но и шпионами-предателями:

Великому господину преосвященнейшему Иннокентию.

Михайловской станицы богоявленской церкви протопопа Данилы Андреева и священника Ивана Казмина

РАПОРТ.

По силе высочайшего ее императорского величества повеления присланный сего октября 1-го дня из войскового гражданского правительства господин старшина Греков с данным ему повелением требовать здешней станицы на поселение семействам казаков, токмо большая часть народа упорствуя высочайшему повелению и войсковую грамоту к написанию на то поселение от него Грекова не приняли, також и вторично присланным уже для увещевания г-на армейского полковника и кавалера Кульбакова, майоров Гревцова и Луковкина не послушались и повеления не приняли, учиня мятеж и разделясь от благонамеренного благородного общества на две части, избрали себе атаманом казака Архипу Короткова, который усильно отнял у благородного общества станичную печать и с послушания команды вышел, так что присланные на имя его Короткова, чтобы он ехал в город Черкасск, грамоты не принял, паче же с согласники своими, коих множественное число, чинят ежедневные сборища, кроме прочих наглостей приступал к положенной в каменном выходе к церковной и станичной денежной сумме, коей состоит не малое число, то и силится оную разграбить и дабы чрез такое неповиновение власти не произошло между простым народом какое либо вредное, и учреждаться-б от такового грабительства, мы по должности нашей многократно Короткова и весь согласный с ним народ увещевали, но он Коротков и согласники его считали то увещевание себе в досаду, угроживают тем, если де вы будете более увещевать и тем отвращать от нашего согласия людей, то и в живых вам быть не оставим и в смерть убьем, и дабы не учинилось по таковым их наглым насильствам разграбления церковного имения, а нам кому смертного убийства, да и не понесть бы какого по команде ответа, сим вашему высокопреосвященству в покорности репортуем.
Октября 12 дня, 1792 года“.

Этот чрезвычайно любопытный документ достаточно ярко говорит о той роли, какую играли на Дону попы, обязанные, по должности, доносить „по команде“ о неповиновении властям и обо всем „вредном“, происходящем среди „простого народа“.

Само собой разумеется, что „ослушники воли царской“ понесли жестокое наказание.

Екатерина, руками своих „верных рабов“—атамана Иловайского и князя Щербатова, расправилась с „бунтовщиками“. Около 5.000 человек были подвергнуты наказанию кнутом, отчего многие умерли. Многие же были сосланы в Сибирь.

Вот как „жаловала“ донских казаков „матушка“ Екатерина II, переменившая за время своего царствования много десятков любовников, которым за „великие услуги“ раздавала во владение десятки тысяч десятин земли и десятки тысяч крестьян.

„ВОСТОЧНЫЙ“ ПОХОД КАЗАКОВ.

В 1796 году войсковой атаман Иловайский умер. Вступивший на престол Павел I назначил донским атаманом генерала Орлова, женатого на дочери царского любимца—графа Федора Денисова.

Главнейшим событием этого времени на Дону, перевернувшим все традиции и быт казачества, было узаконение дворянства, о котором мы говорили в предыдущей главе, и появление дворянства „жалованного“.

Дон разделился на две части: на маленькую кучку дворян и помещиков и на огромную — рядовое казачество.

Кучка корыстных людей, развращенных политикой самодержавной России, продажных и подлых, при поддержке царей, которым она „усердно“ служила, получила огромные выгоды, захватила лучшие земли и населила их закабаленными в рабство крестьянами, то есть—следовала примеру русских помещиков.

12 декабря 1796 года Павел I издал указ, по которому: „в видах водворения порядка и утверждения в вечную собственность владельца“, повелевалось, чтобы в губерниях Екатеринославской, Воронежской, Таврической, Кавказской области и на Дону, „каждый из поселян остался в том месте и звании, как он ныне записан будет“.

Донские помещики и дворяне увидели себя потомственными владельцами сотен и тысяч крестьянских душ.

Здесь, между прочим, не лишне привести выдержки из любопытной биографии генерала Гаврилы Луковкина, напечатанной в журнале „Дон“ за 1887 год, где говорится о том, как воспитывался этот царский прислужник в детстве своим отцом, тоже генералом, и как затем он „почивал на лаврах“.

...„Ветеран воин (отец) помышлял об одном только: достойно приготовить единственного сына своего на службу царскую. С этой целью он с детских лет еще приучал его...

Самые детские игры его приводили в восторг старика отца и возбуждали в нем рой воспоминаний о кровавых сечах с врагами. (Еще бы... Пугачева усмирял!).

—„В этих играх несколько крестьянских мальчиков были в роли неприятелей, и дитя-казак громил их деревянной саблей, и колол пикой из камыша, гнал с грозными криками через плетни и рвы деревни своей“.

Но слушайте дальше: „Находясь на Дону в богатых поместьях своих, Луковкин является истинным другом человечества: ни

один бедняк не отходил от его порога без помощи... Как любил говорить Гаврила Амвросиевич о своем достатке и о своей щедрой милостине — все у него божье, порученное ему для благодеяний ближнему"...

Разве можно пойти дальше такого бесстыдства? Едва ли и сам автор этой биографии не краснел от стыда, когда писал ее... Впрочем, что же иное можно было ожидать? — На то Луковкин и был генералом!

Хуже было то, что впоследствии и рядовые казаки забивали головы своим детям такими „науками", воспитывали их в верности „престолу-отечеству" и в слепой ненависти ко всему, что почиталось враждебным царю и его приспешникам.

Павел I, „узаконивая" донское дворянство, относился, однако, подозрительно к донским генералам жалованным Екатериною; он во всем искал и видел „крамолу". Так, например, неизвестно по какой причине он заточил в Петропавловскую крепость генерала М. И. Платова, пробывшего там три с половиною года, затем исключил со службы генерала Грекова и приказал арестовать старшину Мешкова. А в Черкасске, по приказу Павла были казнены: войсковой старшина Апонасов, полковник Грузинов, казаки—Попов, Колесников, Козмин и др.

И вот в это-то время Войску Донскому суждено было перенести новое, тяжелое испытание: Наполеон уговорил Павла „уязвить" Англию в Индии. Для этого нужно было легкое войско, способное к походу по средне-азиатским степям. Веря хитрому Наполеону, что тот проведет через Россию полумиллионную армию на Индию, безумный Павел пришел в восторг от этого плана и 12 января 1801 года дал на Дон указ: „Собрать все войско на сборные места с запасом провианта на полтора месяца!"

Вскоре на Дон прибыл Платов, освобожденный из крепости и получивший от царя словесные инструкции о предстоящем походе. Атаман Орлов приказал готовиться всем способным носить оружие „до последнего" и уже 20 февраля доносил Павлу, что 22,507 человек готовы к походу.

Никто не знал цели этих приготовлений, кроме Орлова, Платова и некоторых приближенных, которым было поручено заготовить по дороге от Дона до Оренбурга, провиант и фураж.

А Павел писал Орлову:

> —„Англичане приготовляются сделать нападение на меня и на союзников моих, датчан и шведов. Я готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительней и где менее ожидают. Заведение их в Индии самое лучшее для сего. Подите... с артиллерией через Бухару и Хиву на реку Индус. Приготовьте все к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить и осмотреть дороги. Все богатство Индии будет вам за сию экспедицию наградой. Такое предприятие увенчает вас славой и заслужит мое особое благоволение. Прилагаю

карты, сколько их у меня есть".

Во втором письме Павел писал:

„Цель — вся сие разорить и угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой она была у англичан, и торг обратить к нам".

Вот, оказывается, в чем заключалась цель. Нечего сказать: хорошее „освобождение угнетенных!"

В третий раз сумашедший император писал донскому атаману еще более „умное" письмо:

—„Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась. В Хиве вы освободите (столько то тысяч) наших пленных. Если бы нужна была пехота, то вслед за вами, а не инако будет можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сделали!"

На такую безумную затею мог решиться только безумец, каким и был русский император Павел I.

Государственный казначей Державин, по повелению царя отпустил на эту экспедицию 1,670,285 рублей, „кои должны быть возвращены из добычи той экспедиции".

28 февраля атаман Орлов получил от Павла благодарность за „исправность и готовность", и двинулся в поход.

Суровая зима 1801 года, бездорожье, Волга, лед на которой проваливался под тяжестью артиллерии и массы людей, неурожай хлеба и трав у заволжских степных жителей, все это создавало страшные трудности этому легендарному и безумному походу.

Люди и лошади голодали. Дорогу на Бухару и Хиву искали наугад. А безумный царь слал гонца за гонцом и торопил выполнением, задуманного Наполеоном, плана!

На карте, которую царь прислал атаману Орлову, дорога от Оренбурга до Бухары и Хивы, и далее на Индию, была проведена тонкой черточкой... что скрывалось под этой черточкой—никто в России не знал.

Казаки шли и шли, сделав в три недели по тяжелому пути 700 верст. Их передовые отряды были уже на вершинах реки Иргиза.

Куда и зачем они идут?—думали казаки.

23 марта, в селе Мечетном (Вольский уезд Саратовской губернии), атаман получил манифест о смерти Павла I, которого убили царедворцы, и о восшествии на престол Александра I.

Новый царь приказывал возвратить донские полки на Дон. Обрадованные казаки, к концу апреля вернулись домой.

Этот поход, называемый оренбургским и живущий в памяти казаков под именем „восточного", закончил страшный и кровавый для донского казачества и всей России восемнадцатый век.

Дон, когда то свободный, стал колонией покорных и послушных рабов.

КАЗАКИ—СЛЕПОЕ ОРУДИЕ ЦАРИЗМА.

18 мая 1805 года состоялась закладка Новочеркасска. Вопреки желанию казаков основать столицу Донского войска на месте нынешней Аксайской станицы и вопреки здравому смыслу—войсковой атаман Платов избрал для этого Черкасские горы, при слиянии двух ма-

Дон у Старочеркасска.

леньких речушек—Тузлов и Аксай. Впрочем, следует отметить, что в выборе места для „Нового Черкасска“ Платов руководствовался собственными интересами: недалеко от названных гор находилось его поместье...

В 1835 году император Николай I утвердил „Положение об управлении Войска Донского". Это положение свело Дон до степени обыкновенной русской губернии; разница была лишь в названии, да в некоторой особенности управления и отбывания воинской повинности.

Царское правительство продолжало властную и провокационную политику по отношению к Дону, продолжало замазывать донцам глаза разными „милостями" и... не оставило даже намека на прежнюю свободную жизнь казаков.

Донские казаки были использованы в интересах самодержавия и его приспешников так широко, что никакие „привилегии", дарованные казачеству царями в разные времена, не могут итти в сравнение с теми выгодами, которые извлекло царское правительство руками порабощенных и обманутых донцов.

Эти „привилегии"—сравнительное экономическое благосостояние казаков, делавшее их маленькими помещиками—в ущерб крестьянству; выделение казачества в особое военное сословие, обязанное постоянной военной службой и при том—на свой счет; разные подачки и „отличия"—превратили донских казаков в слепое орудие самодержавия и в пугало для миллионов обездоленных и ограбленных крестьян, когда то искавших и находивших убежище на вольном когда то Дону.

Куда только донцов не гоняли, кто только ими не командовал, и где только не сложены казачьи головы! Не было ни одной войны, в которой донские казаки не принимали бы обязательного участия.

Война с французами в 1806—1807 году, когда донцы, по воле царя, сражались против Наполеона в составе прусско-австрийской армии.

Война с Швецией в 1808—1809, и с Турцией в 1806—1812 году.

Война „отечественная" в 1812—1814 году; атаману Платову она дала графскую корону, а Дону—тысячи вдов и сирот.

Война с Персией в 1826, и опять с Турцией в 1828—1829 году.

Польское восстание в 1831 году.

Беспрерывная, с 1801 по 1864 год война на Кавказе; это про нее, про „службу" казаков в Грузии, поется:

„Ох, ты служба наша нужная,
Сторона грузинская!
Надоела ты служба, надоскучила,
Добрых коней позамучила —
Частыми походами, тяжелыми под'емами.
Положила ты служба
Много казачьих головушек.
Прослезила ты служба
Много отцов—матерей.
Завдовила ты служба
Молодых молодушек.
Позасиротила ты служба
Малых детушек!"

В 1843 году венгерский народ восстал против своего тирана-короля... и русский император Николай I, прозванный мировым жандармом, посылал своих солдат и донских казаков „усмирять“ венгерцев...

„Над Карпатскими горами
Громы раздаются...
Нет, не громы, это—рати
Вражеские бьются.
Вкруг донца кипит сраженье,
Град свинцовый свищет,
Но он с пикой меж врагами
Невредимо рыщет.
Много тысяч пуль мадьярских
Мимо просвистало,
Но одна попала в сердце
И донца—не стало!“

Русский тиран спасал тирана венгерского. Почему же венгерец-мадьяр должен был быть врагом русскому солдату и донскому казаку?

Участвовали донцы и в войне 1853—1855 года, известной под именем „севастопольской“. А в 1863 году снова „усмиряли“ польское восстание.

Затем война 1877 года, снова с Турцией. И на этой войне умирали донцы, оставляя вдов и сирот, а выгоду получали князья, дворяне да помещики — только им всякая война приносила доходы и богатство.

1904 год—война с Японией. И в далекой Манчжурии, в гаоляновых полях покоятся кости донских казаков. А во имя чего?—Во имя безграничной жадности шайки титулованных проходимцев и... непроходимой, преступной глупости Николая II.

НЕМНОГО О ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКАХ.

Если донское казачество, несмотря на все тяжелые испытания в результате властной политики самодержавия, все же сохранилось в том или ином виде, то запорожское казачество, имевшее много общего с Доном—было разорено и уничтожено окончательно.

Несколько строк, посвященных причинам уничтожения запорожского казачества, представляют несомненный интерес для читателя.

По словам Эварницкого (журнал „Дон", 1887 г.), побывавшего в Соловецком монастыре, где в свое время был заточен последний кошевой атаман Запорожья—Петр Иванович Калнишевский, причины эти таковы:

— „Запорожье, в свое время играло огромную роль и уничтожение его об'ясняется стремлением русских царей к централазации и единовластию, чего они и достигли с течением времени. Однако, на ряду с „собиранием" российского государства, в нем развивалась неизвестная в других странах сила—казачество, Запорожское, Донское и др.

В течение трех веков казачество играло в России громадную роль. Начавшись в конце пятнадцатого века, оно в течение шестнадцатого—сложилось в определенные формы, но такие, которые шли прямо в разрез с формами устройства русского государства.

— Это были два крайних полюса, никогда не сходившихся и никогда не могшие сойтись. Цари видели, что на ряду с их стремлением к „собиранию" и единовластию—существует такого рода община, которая только по имени признает свою зависимость от русского правительства, а на самом деле и знать не желает никакой опеки над собой: самовольно выбирает старшину, самовольно воюет со своими соседями, самовольно казнит и милует преступников, самовольно принимает к себе разных людей и, ко всему этому—заводит у себя такие порядки, которые служат началом уже другого типа государства.

Такова была община запорожских казаков. Прежде казаки знали только войну, а теперь они стали заниматься земледелием, заводить школы и все—на правах полного равенства между всеми членами общины.

В то время, когда в центральной России, при Екатерине II-й, крепостничество достигло максимального развития; в то время, когда помимо „императорской власти" не было никакой другой, в это самое время в Запорожье господствовало равенство.

— В русском монархическом государстве существовало другое государство, чисто демократического характера, куда, как и на Дон, скрывались крестьяне, недовольные порядками в России.

Все это, конечно, не было по духу самодержавию. И первый шаг к уничтожению Запорожья был предпринят уже в 1764 году, когда граф Кирилл Разумовский должен был сложить с себя звание гетмана Малороссии. А в 1775 году был отдан приказ уничтожить Сечь и занять русскими войсками главные места Запорожья.

Вот что писала Екатерина по этому поводу в манифесте:

— „заводя собственное хлебопашество, расторгали они тем самое основание зависимости их от престола нашего и помышляли, конечно, составить из себя, посреди отечества, область, совершенно независимую, под собственным своим неистовым управлением“.

Вот, оказывается, в чем было „зло“ Запорожья! Всего Екатерина насчитала шесть „преступлений“ запорожцев и эти „преступления“ были очень сходны с теми, за которые не раз расплачивались своей кровью донские казаки.

Кошевой атаман,—главный начальник запорожской Сечи—Калнишевский, был отправлен в ссылку, как предполагали тогда—куда то на Дон. По этому поводу есть даже стихотворение:

„Ой полети, галко, та полети чорна,
Та на Дон рыбу исти...
Та принеси ты, галко, та принеси ты, чорна,
От Калныша нам висти“...

Но в семидесятых годах прошлого столетия стало известно, что Калнишевский находился в ссылке в Соловецком монастыре, где и умер.

Старшины Запорожья,—войсковой судья и т. д.—были сосланы в разные места. Самая же масса казачества переселилась, частью на Кубань—образовав там черноморское, ныне кубанское казачество, другая часть ушла на Дунай.

И в этих кратких строках нынешние казаки увидят жестокую руку самодержавия, ту руку, которая много раз заливала кровью необ‘ятные пространства, именуемые ныне Союзом Советских Республик.

1905-й ГОД.

24 января 1906 года Николай II прислал донскому войску грамоту, в которой, между прочим, писал:

— „И в ныне минувшую войну с Японией, а особливо в наступившие тяжкие дни смуты, донские казаки, свято исполняя заветы своих предков — верою и правдою служить царю и России, явили пример всем верным сынам отечества“.

1905-й год. Первая русская революция. Тяжело донцам вспоминать это время!

Но...по неведению своему рядовые казаки творили кровавое дело расправы с революционными русскими рабочими и многострадальным крестьянством.

За чужие грехи называли донских казаков „палачами“ и „опричниками!“

Кровожадность проклятого царизма и его провокационная политика по отношению к Дону, гнусность царских приспешников — толстосумов, дворян, генералов, атаманов, помещиков и попов натравливавших казаков на придушенный трудящийся люд, темнота и невежество рядового казачества — вот что было причиной того, что донцы, в прошлом боровшиеся и умиравшие за свободу, в 1905 году оказались слепым орудием в руках врагов рабочих и крестьянства.

Да и только ли одни казаки были этим слепым орудием?

— А гвардейские и пехотные полки, душившие революцию пятого года? — Ведь Семеновский и Преображенский полки, гвардейская кавалерия и пехотные части, творившие злую волю царских палачей, состояли не из казаков!

Историческая правдивость требует об‘ективного, беспристрастного отношения к причинам и фактам и учета всех обстоятельств. Рядовое казачество не может и не должно нести ответственность за преступления тех, кто его обманывал и „воспитывал“ по указке царя и его ставленников, тем более, что в 1905 году среди донских казаков, особенно среди верховых, были не только сторонники, сочувствовавшие борьбе рабочих и крестьян за победу революции, но и умевшие жертвовать собою во имя этой борьбы.

— Донские казаки, собранные в лагере на Белой речке, отказались быть „усмирителями“ и до 400 человек их были осуждены за это к разным наказаниям, вплоть до каторги.

— Две сотни 41-го донского полка, в п. Дмитриевском, также

отказались от выполнения роли царских палачей и более 100 казаков семнадцать месяцев мариновались в тюрьме.

— В городе Скобелеве, Ферганской области, ко дворцу губернатора Покотилло, подошли демонстранты с красными знаменами. Конвой губернатора, того самого Покотилло, что был наказным атаманом на Дону, стал разгонять собравшихся. Тогда в защиту демонстрантов встал донской казачий полк, расположенный в этом городе, за что был разоружен и *расформирован*.

Эти факты говорят о том, что сознательная часть казачества уже тогда начинала понимать свою роль, начинала тяготиться ею и — поворачиваться лицом к трудящимся, против самодержавия и буржуазии.

И таких примеров, массовых и единичных, много. Но царское правительство тщательно скрывало их, замалчивало, боясь чтобы все казаки не заразились „крамолой“. Собрать все такие факты и дать им должное историческое освещение — дело будущего.

МИРОВАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Мировая война, 1914-1917 годы, в течение которых люди истребляли друг друга и мир захлебывался в человеческой крови. Миллионы трупов и горы костей человеческих; миллионы калек, вдов и сирот; страшные разрушения...

И все это только из-за того, что безгранично жадные мировые разбойники не могли договориться и поделить между собой земной шар, опутанный и задыхающийся в тисках капитала!

Донские казаки, тысячи которых вместе с миллионами крестьян сложили свои головы на склонах Карпат, в долине Венгрии, в Галиции, в лесах Восточной Пруссии, в Пинских болотах, под Саракамышем, Эрзерумом и т. д.—

— не знали, для чего и за что они воевали.

Давно уже прогнивший царский трон рухнул в дни февраля 1917 года. Власть перешла в руки буржуазного, так называемого, „временного правительства" капиталистов и помещиков, которые стремились довести до „победного конца" кровавое дело, затеянное кровавым царем.

К февральской революции Дон отнесся сочувственно: экономически казачество не затрагивалось; в февральской революции казаки, уставшие от тягот войны, искали ее окончания.

На Дону выдвинулись „вожди" из болтливой либерально-буржуазной интеллигенции, вроде Митрофана Богаевского, бесцветного атамана Волошинова и др., которые начали говорить и действовать от имени Дона... Создалось донское правительство, аналогичное „временному"; в Петрограде — союз казачьих войск, а при Ставке, в Могилеве — казачий комиссариат.

Февральскими „вождями" донского казачества оказались учителя Богаевский и Харламов; писатель Крюков, М. Воронков, „либеральный" генерал Каледин и кулаческие элементы из „стариков". Фактическим же вождем на Дону явилась кадетская партия во главе с комиссарами временного правительства, Воронковым и Харламовым. Блок (союз) Круга с кадетами — лучшее доказательство: в список кандидатов в учредительное собрание, выставленный этим блоком, вошли ревностные прислужники буржуазии.

Подлинных низов — рядового казачества ни в донском правительстве, ни среди „вождей" не было. Подход к революции и массе был чисто классовый, сословный. Например: а) выборы в союз казачьих войск проходили по двум куриям — офицерской и казачьей;

б) провозглашенная союзом декларация цинично заявляла, что казачьи земли остаются в распоряжении войска и что в земельный фонд отчуждаются земли государственные, удельные и помещичьи; в) крестьянство составлявшее более половины населения Дона, оставалось ни при чем.

Таким образом правительство и „вожди“ казачества рассматривали февральскую революцию — как продление казачьих „привилегий“ [1]). Крестьянство Дона в этот период своего голоса еще не подавало.

Более революционное настроение было среди фронтового казачества. Полковые комитеты, ставшие фактическими руководителями фронтовых казачьих частей и выразителями их желаний, еще в апреле-мае 1917 года не только изгоняли из полков и арестовывали своих реакционных офицеров, но и требовали введения выборного командования. В частности, 4 мая на ст. Видибор, Волынской губ., в присутствии казаков 16 и 17 донских полков и при их участии— был арестован „сам“ начальник 2-й сводной казачьей дивизии, генерал Петр Краснов. Автор же этих очерков, в конце мая 1917 года, был делегатом от 16 донского казачьего полка к Керенскому — с требованием об утверждении командира, избранного казаками.

Революционность фронтовых казаков выразилась в том, что они не поддались лозунгам Керенского „до победного конца“ и организованными частями уходили с фронта. Этот уход донских частей с фронта об‘ясняется желанием казаков пробиться через революционное море назревавшего Октября — домой, и никак не стремлением поддержать либерально-буржуазное донское правительство.

Лучшее доказательство этому то, что приходившие с фронта полки, на которые так рассчитывал Каледин и его правительство, немедленно же по приходе на Дон — распылялись. При переброске же на фронты против большевиков — разлагались. (6-й, 22-й, 48, 16-й и другие полки).

Однако, надо сказать, что революционность фронтовых казаков носила характер больше анархический („по домам!“), подлинно революционных лозунгов в ней не было. Исключение составлял Военно-Революционный Комитет во главе с Подтелковым, Кривошлыковым, Ипполитом Дорошевым и др., образованный фронтовыми казачьими частями в декабре 1917 года, в ст. Каменской.

---

[1]) По существу, привилегии были действительными привилегиями для казачьей верхушки и интеллигенции. Земельные наделы, например, „пай“ неизвестно за что и для чего получали лица, ничего общего с земледелием не имевшие — офицеры, торговцы чиновники, попы и т. д. Они арендовали свои наделы тому же казаку-хлеборобу, беря с него по 15-20 рублей с десятины в год и таким образом ни за что, ни про что получали доход.

Рядовой же казак-хлебороб, трудившийся на своем наделе, был обязан за это справляться на военную службу сам, и справлять сыновей — за свой счет.

Новочеркасск же, откуда по крылатой фразе Митрофана Богаевского „выдачи нет“, стал не только местом сборища всероссийской буржуазии, но и политическим центром махровой контр-революции и оттуда она долгое время руководила борьбой против только что родившейся республики советов, против рабочих и крестьян и против той части донских казаков, которые с первых же дней стали на сторону большевиков и Советской власти.

Т.т. Подтелков и Кривошлыков у виселицы.

ДОНСКИЕ КАЗАКИ и ОКТЯБРЬ.

Не только фронтовики, но даже и „старики“ казаки, к Октябрьской революции отнеслись вначале безразлично, и впоследствии встали против нее только по экономическим причинам, да и то—спровоцированные правительством Дона и офицерством.

Казачество, взявшееся за оружие против Советской власти и большевиков, не вкладывало в борьбу политических лозунгов: казаки становились сторожами своих куреней, но не воинами контр-революции. Правительство же и политиканствующие „вожди“ Дона их использовали для борьбы против революции.

Насколько неохотно казаки шли на борьбу вначале, видно хотя бы из того, что все попытки Каледина, в декабре 1917 года, втянуть казачьи части 8-й дивизии в бой против отрядов Антонова, в районе Чертково—Миллерово, успехом не увенчались: на боевой приказ Каледина казачьи части ответили обменом мирными делегациями с красногвардейскими частями и разошлись по домам.

Необходимо также отметить, что первыми на борьбу выступили южные округа Дона, наиболее богатые; северные же, вначале не только не боролись против красных отрядов, но даже давали им пополнения из своих станиц. Например: станицы Усть-Медведицкого округа дали отряд Миронова; 2-й Донской округ—морозовский отряд, переименованный впоследствии в 38 советскую дивизию; Хоперский округ—Донскую советскую бригаду.

Гражданскую борьбу на Дону организовали буржуазно-кулаческие элементы, выразителями воли которых явились—Донское правительство, кадетская партия и офицерство.

Так, в декабре 1917 года Каледин задушил первые попытки захвата власти ростовским и таганрогским пролетариатом, для чего организовал партизанщину из офицерства и интеллигентской учащейся молодежи (отряды Чернецова, Семилетова и Тихона Краснянского).

В Новочеркасске нашли приют сливки помещичье—дворянской контр-революции, в лице генералов Алексеева и Корнилова, бывшего председателя государственной думы Родзянко, Милюкова и др. Затем Каледин вошел в контакт с добровольческой армией, которая начинала организовываться, и скрывал это от рядовой массы казачества.

Генерал Краснов, сменивший застрелившегося Каледина—призвал германские войска. Началась глухая борьба между Красновым и Деникиным; в самом донском правительстве появились противоположные ориентации—германская и союзническая. Но все это было борьбой

отдельных честолюбивых людей, цель которых была одна, ярко-классовая—задушить Октябрь.

Правительство Дона подняло казачество на борьбу с советами, и все время вело себя провокационно: казакам оно бросает лозунг борьбы „до очищения границ", и поддерживает лозунг доброволья—„единая и неделимая". А когда казачьи части переходят границы области, правительство толкает их дальше, об'ясняя это необходимостью „закрепить опорные пункты" и в то же время, принимая в Новочеркасске французских представителей—играет гимн „боже царя храни"! Правители Дона с большой ловкостью превратили борьбу из местной—в гражданскую войну всероссийского масштаба.

На Дону, между казачеством и крестьянством существовал постоянный антагонизм (вражда). Причина—экономическая, так как крестьянство было весьма малоземельно. Например, до трети всего крестьянства области—безземельные батраки, 40 процентов—малоземельных, и только около 20 процентов, по экономическому положению приближалось к казачеству.

Кроме экономического неравенства, было и правовое, сословное. И только политическая безграмотность крестьянства и неорганизованность его, не позволили ему с первых же дней Октября примкнуть к Советской власти .Крестьянство оказалось в руках своей политиканствующей интеллигенции типа Мазуренко, Шошникова, Кононенко и др.—из лагеря эс-эров. Эти демагоги вначале повели за собой крестьянскую массу, имея приманкой пресловутый „паритет", земство на Дону и разрешение земельного вопроса на принципах учредительного собрания.

Когда же эти „вожди", работавшие в согласии с донским правительством не смогли ничего дать крестьянству, оно быстро отошло от них и потянулось к Советской власти. Так, например, с. Титовка дала революционный титовский отряд, который с красными отрядами принимал самое активное участие во взятии Новочеркасска, в феврале 1918 года; из крестьянских слобод Донецкого округа вырос отряд Щаденко; слободы Ильинка, Гуляй-Борисовка, Ивановка и Кушнаревка давали пополнения северо-кавказскому отряду; в Казачьем Хомутце родился небольшой вначале, но крепкий отряд Думенко и Буденного; Орловка и Мартыновка явились красной крепостью, о которую долгое время разбивались волны контр-революции.

К крестьянству начало примыкать и беднейшее казачество, главным образом—фронтовики и молодежь. (Отряды Голубова, Миронова, Чеснокова и других).

Успешному формированию красногвардейских отрядов из казаков, проходившему тогда под лозунгом создания „красного казачества", в значительной мере способствовало то обстоятельство, что руководителями в организации этих отрядов были лица, вышедшие из казачьей среды.

Красногвардейские казачьи отряды шли за советскими лозунгами и никаких самостийных, сепаратных стремлений у них не было.

Стремление же к созданию казачьих частей об'ясняется исключительно свойственным каждому казаку желанием—быть вместе с земляками и прежде всего—сбить своего донского буржуя.

Как указано выше, донское правительство шло на поводу у кадетской партии. Представители течения левее кадетов (Савинков, Аладьин) потерпели в Новочеркасске поражение и быстро оттуда уехали. Лозунг—„учредительное собрание"—особенно ярко не выдвигался, и вскоре сошел на нет, уступив место монархическим лозунгам Алексеева, П. Струве и правого крыла кадетской партии.

В дальнейшем, при немцах, правительство атамана Краснова взяло откровенный курс на монархию и об учредительном собрании вопроса не поднимало. В широкой казачьей массе учредительное собрание популярностью также не пользовалось, правда, по иным причинам: зажиточные верхи казачества тосковали по „порядку", при котором не было бы угрозы их собственности и личности, а учредительное собрание—„опять будет говорильня"![1]).

У казаков-фронтовиков была к учредительному собранию ненависть, ибо они знали, что победа временного правительства опять приведет к лозунгу—„война до победного конца".

———

За трехлетний период революции, 1917, 1918 и 1919 годы, Войсковой Круг собирался:—Большой, в мае 1917 года; Малый—в феврале 1918 года; Круг „спасания Дона"—в апреле—мае 1918 года, и Большой—в августе, и в 1919 году. Каждый состав Круга—разные казаки серой массы и почти одни и те же „вожди". Три характерных особенности являются общими для Круга всех созывов: 1) борьба с советами, 2) отсутствие своего лица и зависимость от закулисных влияний и 3) Круг никогда не отражал подлинных настроений казачьей массы.

Так, Большой Круг 1917 года был на поводу у промышленной буржуазии и либеральной интеллигенции; Круг „спасения"—на поводу у Краснова и Янова; Круг 1918 года—у Краснова и немцев; а в 1919 году—у Харламова, кадетов и „союзников".

Примером того, что Круг не являлся выразителем настроений казачьих масс, могут быть:

1) Постановление Малого Круга 18 мая 1918 г. о поголовной мобилизации казачества на борьбу против отрядов Красной Гвардии—не было поддержано казачьей массой, равнодушно отнесшейся к ожесточенной агитации раз'ехавшихся по станицам членов Круга.

2) Уход с фронта брошенных против красных 6, 48, 58 и ряда других полков.

3) Утвержденный Кругом приказ Краснова о переходе границ Дона, в августе 1918 года, для занятия Царицына, Камышина, Балашова, Новохоперска и Калача, встретил противодействие казачьих

[1]) Кроме того казачество считало учредительное собрание неспособным к твердой власти, неспособным разрешить вопросы до конца, и потому относилась к нему иронически-насмешливо.

частей, начавших митинговать и противиться выполнению приказа всеми мерами, вплоть до взаимных перестрелок, происходивших между противниками и сторонниками этого приказа (дивизия ген. Татаркина).

Круг состоял из упомянутых выше „вождей" и из самой зажиточной части казачества. И только раз, в августе 1918 года, на Круге пугливо выглянули подлинные настроения рядовой казачьей массы, в лице левого крыла фронтовой секции (до 100 депутатов). Эта секция была только в периоде организации и ярких лозунгов, не имела, но несомненно, в ней было сильно развито примиренческое (с советами) настроение.

Характерно, что эта секция состояла в большинстве своем из представителей наиболее бедных, северных округов. Харламов и Краснов быстро учли настроения этой секции и, расстреляв в Новочеркасске наиболее ярких ее представителей, Головачева и Скачкова (сподвижников Подтелкова), тем самым заставили секцию понизить свой голос, а впоследствии—умолкнуть совсем.

Таким образом, Круг являлся послушным орудием в руках махровой контр-революции и ее замыслов, и ширмой „народоправства" для союзников, субсидировавших белое движение.

В дальнейшем, при Краснове, отношения Круга с добровольческой армией ухудшились, что было следствием честолюбивой распри между Красновым и Деникиным, не больше... Лучшим доказательством является отставка Краснова и выбор Африкана Богаевского—кандидата добровольческой армии. Деникин же, как об этом пишет в своих воспоминаниях сам Краснов—позволял себе окрики на „парламент".

Еще в ноябре 1917 года, на ходатайство Донского Круга об отмене смертного приговора члену кубанской Рады Калабухову, Деникин ответил: „приказ отдан—приказ будет исполнен!"

Уход части фронтового казачества с Деникиным в Крым, был только автоматическим бегством людей, потерявших в панике душевное равновесие, не больше. Желания продолжать борьбу, в этом уходе, конечно, не было.

Столпившимся в Евпатории донцам, „высшее командование" долгое время не рисковало давать оружие... Даже командующий Донской армией Сидорин, вместе с начальником штаба Кельчевским открыто выступали в газете „Донской Вестник" за необходимость ликвидировать дальнейшую борьбу с советами. За это Сидорин, Кельчевский и редактор газеты Дюшайла были приговорены военно-полевым судом к бессрочным каторжным работам, но Врангель заменил этот приговор высылкой за границу.

ДОН—СОВЕТСКИЙ.

С приходом на Дон Советской власти, казаки заняли выжидательную позицию: такова психология людей, чувствующих свою вину и ожидающих наказания... К широкой амнистии, об'явленной Советской властью—казаки отнеслись недоверчиво.

Ожегшись на Деникине, они дули и на Советскую власть, напоминая собой человека—сидящего между двух стульев. И это характерно для мелкого собственника—„долго ли удержится новая власть?“

Само собой разумеется, что во всем этом нет прямой вины рядового казачества, которое обманом и провокацией царских генералов и продажных „политиков“ было поставлено в ряды врагов рабоче-крестьянской революции.

Октябрьская революция, купленная ценою многочисленных жертв и крови трудящихся, до основания уничтожила наследие самодержавного и буржуазного владычества, а остатки его—выбросила за борт советского корабля—туда, где пока еще царит произвол буржуазии и гнет капитала.

Коммунистическая партия, во главе с бессмертным В. И. Лениным, руководившая революцией и ныне руководящая ею по заветам Ильича—создала могучий союз рабочих и крестьян. Рабочие и крестьяне, в лице своей Советской власти, признали, что трудовое казачество, вообще, и донское, в частности—невиновно в том, что на протяжении многих лет было слепым орудием в руках самодержавия и капитала.

Если еще в первое время после окончания гражданской войны, как сказано выше—донское казачество косо смотрело на Советскую власть, а Советская власть в свою очередь не доверяла казачеству, то 1925 год положил всему этому конец.

29/31 января 1925 года пленум Краевого Комитета ВКП (б) принял решение, наметившее пути работы среди казачества и способы вовлечения его в советское строительство, а Краевой С'езд Советов Северного Кавказа, происходивший в Ростове в феврале того же года, явился тем лучом, который растопил лед отношений.

Глава советского правительства, председатель Совета Народных Комиссаров СССР, А. И. Рыков, присутствовавший на этом С'езде, об'явил решения центральной власти по казачьему вопросу и выразил уверенность, что все народности, населяющие Северо-Кавказский Край должны быть и будут спаяны единым братским и дружным стремлением—крепить политическую и хозяйственную мощь Советского Союза.

Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 26 января 1925 года—об амнистии казаков, выступавших против Советской власти с оружием в руках, в том числе и бывших эмигрантов-врангелевцов, в полной мере соответствовало уверенности А. И. Рыкова, высказанной им на первом краевом С'езде Советов в том смысле, что

— старая вражда и взаимные обиды, явившиеся следствием длительной гражданской борьбы на Северном Кавказе, и на Дону, в частности, должны быть забыты. Должна быть окончательно изжита национальная и сословная рознь.

Постановление пленума Центрального Комитета ВКП (б) от 30 апреля 1925 года точно определило пути и способы работы среди казачества, а новый курс партии и власти—„лицом к деревне"—и краевое совещание по работе среди казачества, созванное Крайкомом ВКП (б) 22/26 июня 1925 года, явились теми практическими мерами, которые обеспечили развитие активности казачества и широчайшее вовлечение его в советское строительство и общественную работу.

„Вовлечение казачества в активное советское строительство и во всю общественную работу является одним из важнейших вопросов, которые поставила в данный момент партия на Северном Кавказе..." „Не надо огульно отрицать все казачье потому, что оно было казачьим. Это было бы вредной, близорукой политикой, так как необходимо использовать и казачьи привычки, если они не отрицают равенства трудящихся масс". (А. Микоян. „Партия и казачество").

Трудовое казачество Дона ныне составляет неразрывную часть единой трудовой семьи великого Советского Союза. Отныне нет и не может быть вражды между трудящимися, населяющими шестую часть земного шара—свободными и равноправными, как никто и нигде в мире.

Тают последние льдинки. Трудовое казачество твердой ногой стало на советский путь и нет никаких сомнений в том, что в союзе с рабочими и крестьянами, в борьбе за осуществление заветов Владимира Ильича Ленина—

—казачество Дона будет не в последних рядах.

ПЕСНИ ДОНСКОЙ СТАРИНЫ.

На усть Дона тихого,
По край моря синего,
Построилась башенка,
Башенка высокая.
На этой на башенке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак.
Он стоял да умаялся;
Недолго мешкавши
Бежит, спотыкается,
Говорит, задыхается:

—„Кормилец наш батюшка—
Ермак Тимофеевич!
Посмотри-ка, что там на море,
Да на море, на Азовском то:
Не белым там забелелося,
Не черным там зачернелося,
Зачернелись на синем море
Все турецкие кораблики!"

Речь возговорит атаман—
Ермак Тимофеевич:
„Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте по пушечке,
По пушечке, по медненькой,
Разбивайте корабли турецкие!
Мы достанем много золота
И турецкого оружия!"

* * *

..."У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городу
Проявилась у нас, братцы, прироженная тума.[1])
Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей;
Крепкой думушки с стариками он не думывал,
Думывал крепкую он думушку с ярыжками,
Перекинулся, собака, к Азовскому паше,
А Азовский-то паша стал его спрашивати:

---

[1]) „Тума"—не казак, пришлец татарского племени.

— „Ты скажи, скажи, приятель, правду истинную,
Что-то думают у вас, во Черкасском городу?“
— „Старики-то пьют, гуляют, по беседушкам сидят,
По беседушкам сидят, про Азов ваш говорят:
Ой, не дай боже азовцам ума-разума того —
Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи,
Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон,
Не подвели бы они струны ко звонким колоколам!
Уж нельзя нам, братцы, будет в сине-море пройтить!
По синю-морю гулять, зипунов-то доставать! —
Как у нас было, на Дону, во Черкасском городу
Войсковой наш атаман во всю ночушку не спал,
Как со вечеру, сокол наш, Роговыя проплывал,
По белу-свету, по синю-морю гулял,
По синю-морю гулял, кораблики разбивал!“

(1637 г.)

* * *

У нас то было, братцы, на Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу
Народился удалой добрый молодец
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Во казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думы не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голутвою:
— „Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине-море гулять,
Разобьем, братцы, турецкие корабли,
Возьмем мы, братцы, казны, сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветное платье, да на низ поплывем!“

(1667 г.)

* * *

Ах, туманы, вы мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вам, туманушки,
Со синя-моря долой.
Не отстать тебе, кручинушка,
От ретива сердца прочь.
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей част крупен дождичек,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремщики, братцы, разбежалися,
В темном бы лесу собиралися!

Во дубравушке, во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становилися,
На восход богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:

— „Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горою взойди над высокою,
Над дубравушкой, над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана, свет Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина!
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедныих,
Добрых молодцов, людей беглыих
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина работнички,
Есауловы все помощнички!..

(1671 г.)

* * *

Чем то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами то славная земелюшка наша распахана, не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земелюшка казацкими головами!
Чем то наш батюшка, славный тихий Дон украшен?
Украшен то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем то наш батюшка, тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами.
Чем то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, матерними слезами!

(1799 г.)

* * *

Поехал казак далеко на чужбину
На добром коне вороном,
Свою он навеки покинул краину,
Ему не вернуться в отеческий дом!

Напрасно казачка его молодая
И утро и вечер на север глядит,
Все ждет, поджидает с далекого края
Когда же к ней милый казак прилетит!

А там, за горами, где вьются метели
И страшны морозы зимою трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,—
Там—кости казачьи под снегом лежат.

Казак и молил, и просил умирая,
Насыпать курганчик ему в головах:—
„И пусть на кургане калина родная
Растет и красуется в пышных цветах,
Пусть вольная пташка на этой калине
Порой пропоет эту песенку мне,
Как жил-был казак далеко на чужбине
И помнил про Дон на чужой стороне!“

(1808—1809) г.)

* * *

„Говорили про Польшу, что богатая.
А мы разузнали—голь проклятая!
У этой у Польши—корчемка стоит,
Кормча польская, королевская.
У этой корчемки три молодца пьют,
Пруссак да поляк, да млад донской казак.
Пруссак водку пьет—монеты кладет,
Поляк водку пьет—червонцы кладет,
Казак водку пьет—ничего не кладет;
Он по корчме ходит, шпорами гремит,
Шпорами гремит—шинкарку манит:
— „Шинкарочка душечка, поедем со мной
Поедем со мной, к нам на тихий Дон,
У нас на Дону, да не по вашему,
Не ткут, не прядут, не сеют, не жнут,
Не сеют, не жнут, да чисто ходют“!

(1831 год).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 60 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ростов-Дон, ул. Ф. Энгельса, № 90
Москва, Ильинка, Богоявленский
пер. 4, Торгсектор ГИЗ'а

